

Наталья Александрова

Восемь
обезьян

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Восемь обезьян

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Восемь обезьян / Н. Н. Александрова — «АСТ»,
2018 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-17-106713-7

Много веков загадка острова Атлантида будоражит умы ученых, исследователей и обычных людей во всем мире. Достигнув расцвета, высокоразвитая цивилизация бесследно исчезла в один день. Но существовала ли она на самом деле? Или это красивая легенда? Детектив-любитель Надежда Лебедева до поры до времени была далека от этих споров, но все изменилось, когда она оказалась вовлечена в расследование странных и на первый взгляд нелепых краж. В городе началась охота – и не за золотом и бриллиантами, а за дешевыми керамическими статуэтками. Кому они могли понадобиться и зачем? Это и предстояло выяснить госпоже Лебедевой, а заодно, возможно, ответить на вопрос: затерянный мир Атлантиды – это миф или реальность?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106713-7

© Александрова Н. Н., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	35
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

Восемь обезьян

роман

© Н. Александрова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

«Брать или не брать зонтик»? – задала себе Надежда извечный петербургский вопрос. Собственно, жители нашего города такие вопросы себе давно уже не задают. Дамы носят зонтики в сумочке постоянно, а мужчины обзавелись куртками с капюшоном или же, чертыхаясь и подняв воротник, бегут до машины, прыгая через лужи.

Потому что дождь в Петербурге идет постоянно. Осенью он мелкий, нудный и может продолжаться несколько суток, зимой к дождю прибавляются мокрый снег и ветер, который кидает все это безобразие в лица отважившимся выйти на улицу гражданам, и они, проклиная погоду и Петра Первого, который не придумал ничего лучше, чем построить город на болоте, бредут, топая по грязи, да еще и каждая машина норовит окатить водой из лужи.

Весной дождям первое время рады, поскольку они смывают прошлогодний снег и песок. Однако и весной дождей слишком много. Летом же дожди идут сильные, иногда с грозами, но все равно затяжные. И небо у нас в Петербурге в основном окрашено в два цвета – темно-серый и светло-серый.

В общем, в любое время года зонтик должен лежать в сумочке, как косметичка и кошелек.

Надежда Николаевна Лебедева родилась и всю жизнь прожила в Петербурге, так что про погоду все знала. Однако сегодня в прихожей у двери ее ждали два огромных пакета с одеждой, которую нужно отнести в химчистку. И очень не хотелось тащить с собой лишнюю тяжесть, и так рук не хватает.

– Бейсик, дождь идет или нет?! – крикнула она на кухню коту, который сидел на подоконнике и смотрел на птичек.

Соседка снизу повесила у своего окна кормушку, и теперь синички и воробьи хлопотливо сновали мимо. Кот поначалу нервничал, а потом привык, расслабился и наблюдал с удовольствием. На Надеждин вопрос кот никак не отреагировал, даже ухом не повел. Она вздохнула. Не хотелось идти на кухню в сапогах, только пол протерла.

«Пойду так, – решила Надежда, – не сахарная, не растаю. Все равно обе руки заняты, зонтик нечем держать...»

Она сняла с вешалки куртку с капюшоном, сунула в карман кошелек и перчатки и осторожно приоткрыла входную дверь. Опытные котовладельцы знают, что коты – хитрые и своеправные животные, к тому же умеют мгновенно возникать там, где их совершенно не ждут, и особенно любят удирать из квартиры на лестничную площадку. А там уж как повезет. Вполне возможно, что именно в это время дверь на лестницу тоже будет открыта – сосед вышел к мусоропроводу или коляску с младенцем выкатили, – тогда можно вдоволь побегать по этажам, игнорируя жалостные причитания хозяйки. А потом еще и вкусенького получить в качестве приманки и моральной компенсации.

Надежда была женщина осторожная, так что оглянулась назад. Кот, разумеется, был уже в прихожей. Надежда погрозила ему кулаком и проскользнула в дверь.

Внизу, перехватив поудобнее пакеты, она собралась уже выходить на улицу, как дверь подъезда широко распахнулась и впустила соседку Антонину Васильевну. Надежда едва успела стереть с лица выражение досады.

Антонина Васильевна была по-своему женщиной замечательной. Имея весьма плотную комплекцию и много свободного времени, она от дома далеко не отходила. Летом сидела на балконе, наблюдая за двором, зимой же отиралась возле подъезда.

Таким образом она была полностью в курсе всех передвижений жильцов и их гостей.

Нельзя сказать, что жильцы были этим очень довольны, потому что некоторые гости приходили к ним не то чтобы тайно, но не афишируя свое присутствие. Антонина же Васильевна не ставила перед собой цели непременно сообщить, допустим, мужу, кто приходит к его жене днем, когда он прилежно трудится у себя в офисе, однако и не старалась сделать из этого тайну.

Но, несмотря на недовольство некоторых жильцов, Антонину в доме уважали, поскольку она сумела предотвратить пару-тройку квартирных краж и спугнула грабителя, намеревавшегося отнять деньги у двух шестиклассниц. Девчонки, правда, были боевые и сами бы управились, но Антонина со своими габаритами надолго отбила у мерзавца охоту добывать деньги таким способом.

К Антонине Васильевне прислушивались даже в ближайшем отделении полиции, а уж местный участковый относился с большим уважением.

К Надежде у Антонины Васильевны претензий не было, общались они вполне по-дружески, однако соседка была многословной, так что Надежда всегда старалась сбежать, не вступая в беседу.

– Здравсте, Антонина Васильевна! – гаркнула она, намереваясь проскользнуть мимо. Однако обойти габаритную соседку было трудновато, да еще маневренность Надежды затрудняли пакеты. Так что пришлось остановиться.

– Здравствуй, Надя, – сказала Антонина, – а ты куда это, в магазин, что ли?

Надежда мысленно вытаращила глаза – Антонина известна была в доме острой наблюдательностью, могла с первого взгляда определить, куда человек направляется – в магазин или на работу. Если в магазин, то за продуктами или в хозяйственный, и что надо купить в первую очередь. А тут, увидев Надежду, говорит, что она идет в магазин, когда даже самый рассеянный мужчина и тот поймет, что с такими пакетами можно идти только в химчистку. Или в благотворительную организацию.

– Да нет, в химчистку, – сказала Надежда, – куртки летние почистить да убрать, а костюм Сашин срочно нужен через три дня, у него переговоры важные. А что это у вас пальто мокрое, дождик на улице?

– Да, заканчивается уже, сейчас пройдет, ты подожди, чтобы вещи не мочить, – сказала Антонина.

Насчет погоды соседка никогда не ошибалась, в отличие от тех, кто озвучивает прогноз по телевизору, так что Надежда решила прислушаться к ее совету.

– А что это вы, Антонина Васильевна, вроде как расстроены? – поинтересовалась Надежда, видя, что Антонина тяжело вздохнула. – Как себя чувствуете, здоровы ли?

– Да какое в моем возрасте здоровье, – отмахнулась Антонина, хотя, по наблюдению Надежды, тетка была хоть и пожилая, но бодрая, – только вот странное что-то...

Надежда посмотрела в стеклянную дверь подъезда. Дождь и правда помаленьку прекращался, так что она поставила свои пакеты на пол и приготовилась слушать.

– Приходила тут ко мне вчера племянница, Люська, – начала Антонина, – ты ведь ее знаешь?

– Видела пару раз, – сказала Надежда, вспомнив племянницу.

Так, ничего особенного, глазки светленькие, носик пуговкой, фигура кубышечкой. Неказистая, в общем, бабенка. Но все же родная кровь.

– Приходила на смотрины, жениха своего показывала, – продолжала Антонина.

– Да что вы? – Надежда проявила сдержанный интерес. – Замуж, значит, выходит?

– Говорит, что да. Нашла, стало быть, свое счастье... – Антонина вздохнула.

– Ну и как вам жених? Понравился?

– Да как тебе сказать... Не то чтобы понравился, так ведь и Люське-то особо ловить нечего. Лет ей тридцать восемь, ни рожи ни кожи, ума тоже немного, так что выбирать не приходится. Так вроде мужик как мужик, мне цветы принес, торт, пьет в меру, к Люське по-хорошему. А дальше-то жизнь покажет... Я ей так и сказала – решай сама. Да она уже все решила, от счастья светится прямо. И то сказать, надежду уже потеряла, а тут вдруг какой-нито мужик подвернулся. Ну, она ко мне вроде как за благословением явилась. Ты, говорит, тетя Тоша – с детства меня так зовет, – ты, говорит, единственная моя родная душа, так уж скажи доброе слово, напутствие, значит, чтобы все как положено.

– А у нее вроде бы еще какие-то родственники есть? Она вам двоюродная...

– Ой, там такое дело вышло! – Антонина прыснула, как девчонка. – У брата моего дом в Петергофе. Ну, участок большой, дом они новый недавно отстроили, все хорошо, честь по чести. И была у них собака, овчарка немецкая, но в прошлом году помер пес от старости. И решили больше они с женой собак не заводить – внуки маленькие приезжают, опять же хлопоты. А тут звонят им из приюта собачьего и предлагают собачку посмотреть. Соседи, что ли, навели, или так просто, наугад позвонили. Ну, брат, конечно, отказался – раз решили, так решили, и жена его против. А тут сын приезжает, уговорил их – поедem да посмотрим, за показ, мол, денег не берут, и силой нас никто не заставит.

Надежда осторожно скосила глаза на улицу – дождь еще капал, но явно шел на спад.

– Ну, поехали они всей семьей. Как увидели собаку эту – так просто влюбились в нее. Как говорится, с первого взгляда. И то сказать, красивая собака. Лабрадор черный, только она не породистая, что-то там уши не так расположены да в холке меньше нормы... В общем, им-то какая разница, им на выставки не ходить. Ласковая такая собачка, привязчивая, три года всего, с детьми сразу подружилась. Жена брата как увидела ее – берем, говорит, как же ее оставить такую славную. Ну и взяли, значит, выписали им документы, все как полагается, зовут собаку Люсинда. Живут теперь – не нахвалятся, и сторож из Люсинды хороший, и опять же умница, все понимает. Чистоплотная, вежливая, ласковая, не собака, а клад. Брат мне жаловался даже, что жена ее больше, чем его, любит.

«Как я его понимаю», – мысленно вздохнула Надежда, вспомнив, как трясется ее муж над своим обожаемым котом. Да что там, иногда она думала, что и женился-то на ней Сан Саныч исключительно из-за кота. Правда, такие мысли посещали Надежду редко.

– В общем, все было хорошо, а тут у брата день рождения случился, и приглашают они всех родственников, отпраздновать, заодно и дом новый посмотреть.

– Помню, весной вы ездили... – вставила Надежда.

Об этом знали все соседи, поскольку некоторые забеспокоились, не видя Антонину Васильевну у подъезда. Не заболела ли, мол, или еще что похуже...

– Да. Ну, показывают нам дом, опять же собака тут крутится, на своих она не лает, команды понимает. Ластится ко всем, ну все, конечно: Люсенька, Люсенька... А Люська, племянница-то, отзывается. Ну, посмеялись мы все, потом за стол сели, видим – Люська на родню затаила обиду. Сидит, губы поджала, не ест ничего. Брат потом ее в сторонку отвел, Люся, говорит, ты не подумай, что мы нарочно собаку твоим именем назвали, так уж вышло, нам такую в приюте нашли, у нее имя уже было. Ее Люсинда зовут, а ты – Людмила, так что не обижайся уж... А Люська все равно в претензии – вы, говорит, меня не уважаете, в грош не ставите, вот теперь, говорит, я все про вас окончательно поняла. Одно слово – дура. Брат так и сказал – не глупи, мол, не хватало еще нам из-за собаки поссориться. А жена его тут масла в огонь подлила – мол, собака мне родная, член семьи, а ты – племянница двоюродная, седьмая вода на киселе, без тебя как-нибудь обойдемся.

– Круто.

– Ага, может, конечно, и резко сказала, но Люська сама виновата, весь праздник ей испортила. В общем, едем мы в город, Люська и говорит, что с родней этой она больше и двух слов не скажет, что теперь из всех родственников одна я у нее осталась. Мать-то ее давно умерла, отца она и вовсе не знала. Ну, я не стала ей выговаривать в надежде, что одумается она со временем. Люська вообще-то заполошная такая, бестолковая, но незлопамятная. Помиряются, думаю, через какое-то время. Да вот только уж полгода прошло, а Люська про них даже и не заговаривает. Ну, мне что за дело, сами взрослые люди. И вот звонит она, значит, и просится в гости – жениха показать...

Надежда в тоске взглянула на улицу. Дождь почти перестал, пора ей идти, а Антонина все никак не остановится.

Тут она заметила, что на лице соседки проступило совершенно для нее нехарактерное выражение рассеянности.

– Про что я сказать-то хотела... – пробормотала она, и тут Надежда всерьез забеспокоилась, такой Антонину Васильевну она никогда не видела. Хоть и крепкая тетка, а все когда-то случается в первый раз, может, у нее какие-то мозговые явления?

– Может, вас домой проводить?... – неуверенно заговорила она.

– Да уж и так иду, – вздохнула Антонина, – ты не смотри на меня так, голова у меня не болит, все нормально, а просто вот как-то... В общем, слушай.

Надежда, уж взявшаяся было за свои пакеты, снова поставила их на пол.

– Значит, была у меня обезьянка керамическая, на полочке стояла... Ну, ты помнишь, Люська же и подарила на позапрошлый Новый год. Тогда как раз год Обезьяны был.

– Ах да... – Хоть и редко, но бывала Надежда у соседки и вспомнила жуткую керамическую обезьяну, которая стояла на видном месте. Новогодний пустяковый сувенир, которые раскупаются в ужасающем количестве перед праздниками, а потом их выбрасывают – как купленные, так и нераскупленные.

Эта обезьяна, надо сказать, отличалась тем, что была ужасно похожа на Антонину Васильевну. Она сидела в кресле и читала газету. Сидела в той же позе, как любила сидеть Антонина, у нее были такие же очки и даже точно такой же передник в крупную клетку. Антонина была женщиной с юмором, так что приняла подарок хорошо. Так и стояла у нее эта керамическая обезьяна весь позапрошлый год и прошлый, когда полагалось уже держать на полочке не обезьяну, а лошадь. И петухом обезьяну не заменили.

– Ну что с обезьяной, разбили, что ли? – нетерпеливо спросила Надежда.

– Да в том-то и дело, что нет! Пропала она!

– Пропала? – удивилась Надежда. – Да кому она нужна-то?

– Вот и я думаю – кому это барахло понадобилось? – подхватила Антонина. – Но, понимаешь, вот я точно помню, что до прихода Люськи с женихом она была. Я пыль как раз с полки вытирала. А утром сегодняхватила – нет ее!

– Упала, разбилась... – Надежде уже начало все это надоедать.

– Да искала я! Комод даже отодвинула, никаких следов! Как сквозь землю провалилась!

– Ну, может, этот жених – тот еще увалень, разбил ее, а осколки спрятал, чтобы вы не рассердились и племянницу не отговорили за него замуж идти!

– Знаю, Надя, что ты думаешь. Выжила, мол, старуха из ума, нашла о чем беспокоиться. Но на мужчину этого, Витю, я думать никак не могу, потому что он в комнате один не оставался. Ты что, считаешь – я буду доверять человеку, которого впервые вижу, только потому, что он на моей двоюродной племяннице задумал жениться? Люська – дурочка, сама выболтала, что знакомы они с этим Витей недолго. Да она и год с человеком проживет – все равно о нем ничего не узнает! Так что на всякий случай я его одного не оставляла, Люську на кухню гоняла.

– Здравомысленно рассуждаете...

– Вот! И как увидела я, что обезьяна-то пропала, так и думаю – может, у меня провалы в памяти начались?

– Да ладно вам... – отмахнулась Надежда, – с чего это вдруг сразу провалы...

– А куда она делась тогда?! – запальчиво закричала Антонина Васильевна.

– Ну не знаю... слушайте, а вы позвоните племяннице да и спросите по-свойски, мол, так и так, не видала ли она обезьяну, не роняла ли, не разбивала ли?... Может, все и разъяснится...

– Что ты, что ты, Надя, как я могу! Люська, она обидчивая очень, еще подумает, что я на ее жениха бочку качу! И так она со всей родней перессорилась из-за собаки, а теперь еще со мной из-за обезьяны отношения прекратить может. Да не стоит это барахло ничего, давно надо было выбросить!

Антонина пренебрежительно махнула рукой и устремилась к лифту, который как раз открылся и выпустил Димку, что проживал с матерью теперь в верхней квартире над Надеждой.

– Здравсте, тетя Надя! – гаркнул он. И тут же добавил: – И вам, тетя Антонина, тоже здравсте!

– Тетя, – проворчала вслед Димке Антонина Васильевна, – какая я тебе тетя? Со своей племянницей никак не разобраться, а тут еще этот в родню набивается...

Надежда подхватила наконец свои пакеты и отправилась в химчистку. Дождь перестал, Антонина предсказала верно. Прохожие бодро шлепали по лужам, каждый по своему делу.

– Только через неделю будет все готово, – извиняющимся голосом сказала приемщица в химчистке, – заказов очень много, не успеваем мы раньше.

– Ой, мне бы вот только костюм, – расстроилась Надежда, – мужу очень нужно к субботе, у него переговоры важные...

Разумеется, у Сан Саныча костюм был не единственный, однако этот он любил больше всех, говорил, что чувствует себя в нем свободнее. Надежда не стала многословно рассказывать о своей сложной ситуации незнакомому человеку, но, судя по обручальному кольцу, приемщица сама была замужем, так что прекрасно знала, что раз мужу нужен именно этот костюм, то как хочешь извернись, но его предоставь, в противном случае наслушаешься всякого и долго еще тебе потом будут этот костюм вспоминать.

Договорились, что костюм почистят к послезавтра, Надежда еще приплатила за срочность и ушла обнадеженная.

На улице дышалось легко. Дождь и не думал начинаться снова, больше того, серые низкие облака как-то рассосались, и теперь кое-где пролезали даже кусочки блеклого голубенького неба. Надежда решила прогуляться до торгового центра, купить там кое-что из косметики и заодно выпить кофе.

В торговом центре народу по утреннему времени было немного, в основном – молодые мамы с колясками, сейчас как раз торопящиеся на улицу, раз дождик перестал.

Надежда купила нужную помаду и вовсе не нужный набор гелей для душа, поглядела на платья из новой коллекции, причем все настолько не понравились, что она даже не стала мерить. Потом осознала, что магазины ей до смерти надоели, и решила выпить кофе в итальянском ресторане, потому что там подавали к капучино крошечное воздушное печенье, так что не нужно было брать ничего сладкого, то есть можно не прибавлять калории.

Кофе был хорош, но, как ни странно, настроения не поднял. Вот именно, Надежда Николаевна Лебедева, интеллигентная женщина средних, скажем так, лет, имеющая заботливого мужа и трехкомнатную квартиру, чувствовала себя если не абсолютно несчастной, то до такого было недалеко.

Надежда отхлебнула кофе и сунулась за печеньем. Оказалось, она его съела, остались одни крошки.

«Надо взять себя в руки, – мысленно приказала она, – можно, конечно, заказать пирожное, но потом недовольство собой станет еще больше, а куда это годится...»

Она вздохнула и решила разобраться в себе. То есть назвать вещи своими именами. Ей просто скучно. Не то чтобы она так не любит заниматься хозяйством, нет, она умеет готовить и для мужа делает все с удовольствием, но, господи, как ей все надоело!

Когда несколько лет назад институт, где трудилась Надежда старшим инженером, приказал долго жить и всех уволили, муж Надежды чрезвычайно обрадовался. Он и мысли не допускал, что жена будет искать другую работу. Сиди дома, сказал он твердо, занимайся собой, следи за котом, и вообще.

Сан Саныч был человеком деликатным и не стал уточнять, что под словом «вообще» он подразумевает калорийные завтраки, вкусные ужины и накрахмаленные рубашки (парил брюки и чистил ботинки муж всегда сам).

В первое время Надежда и вправду почувствовала себя белой женщиной, но потом голова ее, которая привыкла думать, стала какой-то пустой и невесомой. Думать было решительно не о чем.

Надежда по наивности считала вначале, что если выработать ряд правил и неуклонно им следовать, то она не превратится в типичную домашнюю хозяйку. Итак, она решила придерживаться пяти «не», а именно:

- не спать до полудня;
- не вылизывать квартиру;
- не болтать часами по телефону;
- не смотреть телевизионные сериалы;
- не торчать в Сети на разных чатах и форумах.

И неуклонно эти правила выполняла, что, надо сказать, не слишком помогло. Потому что очень скоро Надежда Николаевна ужасно заскучала. И если бы не ее увлечение, то впору было повеситься. Или записаться на какую-нибудь дорогостоящую и бесполезную процедуру типа изведения целлюлита.

Увлечение, то есть хобби, было у Надежды Николаевны вполне специфическое. Она занималась расследованием разных криминальных случаев, происходящих с ее знакомыми и друзьями. А также родственниками, соседями по дому и по даче, бывшими сослуживцами и даже случайными попутчиками в поезде и в метро. Причем истории были не просто криминальные, а даже очень опасные (как правило, минимум одно убийство, а то и больше).

И Надежда, по образному выражению ее мужа Сан Саныча, умудрялась влипать во все это с завидным постоянством по принципу «найдет свинья грязи».

Надо сказать, что Сан Саныч очень таких ее действий не одобрял. Ругался, стыдил Надежду, говорил, что рано или поздно ее поведение приведет к большим, а возможно, очень большим неприятностям, что как веревочке ни виться, а кончик непременно найдется, что нельзя безнаказанно дергать судьбу за усы, что когда-нибудь это ей, судьбе, надоест, и тогда...

Сан Саныч был человек умный, работающий, хороший муж, но немножко зануда.

Поэтому Надежда приняла мудрое решение про свои подвиги мужу не рассказывать. А то еще неизвестно, как там поступит судьба, но муж может так рассердиться, что и до развода недалеко.

Так все и шло потихоньку. Надежда научилась виртуозно скрывать свои расследования от мужа, так что его подозрения потихоньку утихли. Не то чтобы он поверил Надежде, что она остепенилась, просто был очень занят на работе.

И вот прошло уже почти два месяца, как она успешно раскрыла убийство в библиотеке¹, и ничего больше ни с кем не происходило. Просто хоть волком вой или звони всем друзьям-приятелям и всем знакомым с вопросом: «Ребята, у вас там ничего криминального не случилось?»

---

¹ Читайте роман Н. Александровой «Кодекс надежды».

Этого только не хватало, тотчас подумала Надежда, и так уже по знакомым ходят слухи о ее расследованиях, так, глядишь, и до мужа дойдет. В общем, жизнь скучна и предсказуема. Сейчас она допьет кофе и пойдет домой, приготовит мужу обед, то есть ужин, вечером выслушает его подробный доклад о работе, потом они выпьют чаю... в общем, все как всегда.

«Не гневи Бога!» – говорила в таких случаях Надеждина бабушка.

И то верно, опомнилась Надежда, допила кофе и собралась уходить. Что это она расселась, дома дел неспорный, а завтра с утра нужно к тетке съездить, что-то она прихворнула, так хоть продуктов привезти и в аптеку сходить.

Возвращаясь домой от тетки, Надежда неожиданно вспомнила, что ей нужно кое-что купить, а именно несколько пакетиков кошачьего корма.

То есть сухой кошачий корм в доме, конечно, был, Сан Саныч никогда не допустил бы, чтобы у его обожаемого Бейсика кончилась еда. Но сухой корм – это именно еда, а Бейсику время от времени полагались еще и лакомства, деликатесы. Лакомством он считал мягкий корм из пакетиков, и сегодня утром он устроил Надежде настоящий скандал. Оказывается, его лакомство закончилось, и Надежда вовремя не озаботилась пополнением запасов...

Бейсик в полной мере проявил свои актерские способности. Он жалобно мяукал, смотрел на хозяйку глазами, полными страдания, показывал всем своим видом, что ни за что не будет есть обычный сухой корм, который Надежда положила в его миску, и если его не накормят вкусным кормом из пакетика, он просто умрет с голоду, и тогда Надежде придется плохо, потому что муж никогда ее не простит...

Надежда, конечно, понимала, что все это – удачно сыгранный спектакль, беда в том, что Сан Саныч, неглупый и наблюдательный человек, в отношении кота становился доверчивым и наивным. И раскрывать ему глаза на проделки кота Надежда и не пыталась, давно сообразив, что дело это бесполезное.

Итак, чтобы восстановить мир в доме, ей нужно было срочно прикупить несколько пакетиков корма.

Надежда свернула к магазину с красноречивым названием «Кот в сапогах», и тут на нее налетела какая-то девица в розовом спортивном костюме и дутой курточке нараспашку.

– Девушка, смотреть надо, куда идете! – недовольно проворчала Надежда.

– Надя, это ты, что ли? – проговорила незнакомка.

– Что значит – ты? – Надежда подняла на нее глаза... и в первый момент не поверила им: перед ней стояла старая знакомая, бывшая сослуживица Элка Тихоструева.

Когда-то давно Элка работала в том же оборонном НИИ, что и Надежда, и они были примерно одного возраста. Честно говоря, Элка казалась даже несколько старше, она была чуть полноватой и вялой. Теперь же... как случилось, что Надежда приняла Элку за молодую девушку?

Приглядевшись к ней, Надежда поняла, что никакого чуда не случилось, лицо Тихоструевой вполне соответствовало ее настоящему возрасту, мягко говоря, «за тридцать», но фигура у нее была как у двадцатилетней, а самое главное – блеск в глазах и легкие, словно танцующие движения. Элка стала даже выше ростом... ах да, это же каблуки, и спина прямая...

– Элка, ты ли это? – воскликнула Надежда в изумлении.

– А что? – Тихоструева удовлетворенно улыбнулась и подбоченилась. – Хорошо выгляжу?

– Не то слово!

Надежда Николаевна была женщина невинная, и ей ничего не стоило то, что для некоторых других женщин нож острый: сказать старой знакомой заслуженный комплимент.

– Как тебе это удастся? – спросила она с искренней завистью. – Мы ведь с тобой примерно одного года?

– Все очень просто! – Глаза Элки сияли от удовольствия. – Несколько лет назад я начала ходить на милонгу...

– Куда? – удивленно переспросила Надежда.

Она представила себе что-то вроде экзотического восточного единоборства или тяжелого рабского труда на плантации сахарного тростника.

– Милонга – это школа танго! – пояснила Тихоструева и встала в танцевальную позицию.

Какой-то парень едва не налетел на нее, но вовремя отскочил, а Элка, не обратив на него внимания, тут же поменяла позу.

– Ах, танго! – Надежда снова окинула взглядом фигуру бывшей сослуживицы. Вот откуда эта грация!

– Да, и я так втянулась, что теперь веду свой кружок. Приходи ко мне заниматься, тебе понравится! Кстати, это ведь совсем рядом, пойдем, я тебе покажу!

Надежда хотела сказать, что ей некогда, что ей не до танцев, что ее ждет дома голодный кот, а скоро и муж вернется с работы, но Тихоструева уже подхватила ее, как ветер подхватывает осенний листок, и вела к какому-то подъезду.

– А как вообще ты оказалась в нашем районе? – спросила по пути Надежда. – Раньше ведь ты жила не здесь... кажется, в Купчине?

– Ну да, в Купчине, а потом мы разменяли квартиру, дочка переехала на Гражданку, а я – сюда... вот мы и пришли!

– Элла, но я не могу, мне нужно идти... – вяло сопротивлялась Надежда, но от Элки исходила такая мощная энергетика, что ей было невозможно сопротивляться.

Тем более что в глубине души Надежде и самой было любопытно, какая волшебная сила могла так удивительно преобразить ее бывшую сослуживицу.

Они вошли в обычный подъезд жилого девятиэтажного дома, поднялись на несколько ступенек, вошли в коридор, из которого попали в довольно большую комнату.

– Вот здесь мы и занимаемся! – проговорила Тихоструева, обведя комнату широким плавным жестом.

Стены этой комнаты были увешаны крупными цветными фотографиями, на которых женщины самого разного возраста и телосложения, в длинных свободных юбках, исполняли сложные танцевальные па.

– Вот мои девочки... – проговорила Тихоструева, перехватив взгляд Надежды, и тут же добавила, что-то прочитав в ее глазах: – Да, вот с мужчинами у нас немножко сложнее, у нас их всего трое, так что бережем их для конкурсов и соревнований. И танцуем с ними по очереди. А может, ты своего мужа уговоришь?

– Нет, что ты! – Надежда представила себе, как Сан Саныч танцует танго с Тихоструевой... Нет, только не это! Да он в жизни не согласится на такое пустое занятие! Да она и сама ни за что...

Конечно, Элка выглядит замечательно – но остальным женщинам на фотографиях до нее далеко, как до звезд...

– Он такой занятой, – добавила Надежда. – У него совсем нет времени на такие занятия... Работает с утра до вечера.

– Между прочим, мы несколько раз получали призы на районных соревнованиях! – с гордостью проговорила Элла, показав на застекленный шкафчик, в котором были выставлены награжденные кубки и почетные дипломы.

Надежда еще раз взглянула на одну из фотографий.

Снимок был сделан в этой же комнате. На этом снимке сама Элла позировала с кубком в руках. Но не этот кубок привлек внимание Надежды. На заднем плане был хорошо виден шкафчик с наградами, а наверху этого шкафчика стояла керамическая статуэтка – забавная обезьянка, которая смотрелась в ручное зеркало.

В этой обезьянке было какое-то едва уловимое сходство с Эллой Тихоструевой. А еще... еще при виде этой обезьянки Надежда почувствовала какое-то напряжение. Ну да, вчера как раз говорили с Антониной Васильевной про керамическую обезьянку.

Зрительная память у Надежды всегда была хорошая, так что она тут же представила себе полочку над диваном в квартире соседки, стоят там разные грошовой безделушки – фарфоровая китайка, стеклянная роза, деревянный слоник, а также керамическая обезьяна, которая очень похожа на хозяйку. А эта, на фотографии, очень похожа на Элку. Но вместе с тем ясно, что эти обезьянки из одной, если можно так выразиться, компании. Или стаи. Или как там это у них называется.

Надежда отогнала от себя видение множества обезьян, которые в джунглях прыгают в ветки на ветку и кидаются в проходящих путешественников кокосами и бананами, и перевела взгляд с фотографии на шкафчик.

Обезьянки там не было. Стояли разные кубки, одна большая ваза с гравировкой – и никакой обезьянки.

– А где вот эта статуэтка? – спросила Надежда самым безразличным голосом, показав Тихоструевой на снимок.

– Ах, обезьянка! – Элла пренебрежительно махнула рукой. – Пропала. Кто-то ее унес. Не представляю, кому она могла понадобиться. Мне мои ученицы подарили ее на день рождения. Представляешь, здесь у метро есть такая небольшая мастерская, где можно заказать статуэтку, похожую на конкретного человека. Ну, на того, кому ее хотят подарить. Вот мои девочки и заказали такую обезьянку. Им показалось, что она чем-то на меня похожа. – Элла делано засмеялась. – Не знаю, в чем они увидели сходство... А потом ее кто-то унес... У нас здесь бывают случайные люди, за всеми не уследишь... А что ты про такую ерунду спрашиваешь, лучше вон фотографии посмотри!

– Не иначе, завелся у тебя тайный поклонник, – поддразнила Надежда, – боится к тебе подойти, вот и взял обезьянку на память.

– Да я уж и то думала, – хмыкнула Элка, – если поклонник, то очень тайный, шифруется почище Штирлица. Нет, Надя, честно тебе скажу, в смысле мужчин тут ловить нечего.

«Да мне и не надо», – подумала Надежда.

– Так придешь к нам заниматься?

– Подумаю, – уклончиво ответила Надежда, – с мужем посоветуюсь. Может, он будет против, если меня посторонние мужчины в танце крутить будут.

– Да какие тут мужчины, сказала же – нет у нас никого! Только пара пенсионеров...

И что-то такое расслышала Надежда в голосе бывшей сослуживицы, что посмотрела на нее очень внимательно.

– А как Виталик поживает? – Она напряглась и вспомнила имя Элкиного мужа.

– Мы развелись, – Элка вздохнула и поглядела в сторону, – оттого и квартиру разменяли.

– Да с чего это вдруг? – искренне огорчилась Надежда.

– Сама толком не пойму. Вроде все не так плохо было. Как свекровь умерла, ему ее квартира осталась. Прихожу я как-то вечером, а он вещи собирает. Ухожу, говорит, туда жить, и точка. Решение окончательное, обсуждению не подлежит.

– Так прямо и сказал? – ахнула Надежда. – Так и ушел, ничего не объяснив?

– Ага. Я прямо обалдела. Главное, понять не могу, с чего это вдруг его так разобрало!

– Так, может... – Надежда выразительно округлила глаза, – помню я, вроде он у тебя спокойный был по этой части, но говорят же, седина в бороде – бес в ребро...

– Да нет же! – Элка развела руками. – Спрашивала я соседку, что со свекровью на одной площадке жила, нету, говорит, у него никого, живет один как сыч, вечерами такая тишина стоит, как в могиле, от свекрови – и то шуму больше было. Но это уж потом, а тогда ушел он и пропал, как сквозь землю провалился.

Я звоню – не отвечает. Потом письмо прислал по мейлу – мы, говорит, с тобой давно чужие люди, дочка взрослая, ничего друг другу не должны, так что лучше нам жить отдельно, а насчет развода решай сама, как тебе удобнее, а мне все равно.

– По мейлу? – поразила Надежда. – Это же вы без малого тридцать лет прожили, а он тебе – по мейлу? И слов никаких для тебя у него не нашлось?

– Двадцать семь, – вздохнула Элла, – и не сыпь мне соль на рану, и так противно вспоминать про это.

– Ой, что это я, – устыдилась Надежда, – ты так выглядишь прекрасно, все у тебя наладится, все будет отлично! И поклонник тайный обязательно проявится!

– Ага, что-то долго собирается...

– А когда обезьяна-то пропала? – спросила Надежда самым безразличным голосом.

– Когда? – Элла задумалась. – Когда же... знаешь, я, наверное, не сразу заметила. Ну, была обезьянка – а потом исчезла... но, по-моему, на прошлой неделе она здесь еще стояла. Да вот, кстати – эта фотография сделана в прошлый вторник, и обезьянка на ней еще есть. Да ладно, Надя, что мы все обо мне, ты-то как живешь?

Возвращаясь домой, Надежда думала о встрече с Элкой. Надо же, муж-то как с ней поступил!

Но, с другой стороны, Элка всегда была женщиной беспокойной и увлекающейся. Дома ей не сиделось – вечно у нее на уме были какие-то кружки, встречи и занятия. Бесконечно она на работе что-то организовывала – то день здоровья, то экскурсии всякие. Опять же, по путевкам на выходные любила ездить. И мужа вечно ругала, что он домосед. Оставляла его с дочкой, а сама рвалась из дому. Ну, дочка выросла, вот муж и осознал, что они друг другу больше не нужны. Но все же как-то нехорошо, не по-людски, по мейлу-то...

Сан Саныч вечером был окружен такой заботой и нежностью, что даже слегка удивился. Но вида не показал.

И про двух керамических обезьянок Надежда вспомнила только утром на следующий день, когда подхватила пораньше, чтобы приготовить мужу завтрак.

Перевертывая на сковородке оладьи, она задумалась. Две керамические обезьяны пропали примерно в одно и то же время. О чем это говорит?

Да пока ни о чем. Ну, бывают совпадения, конечно. Но настораживает то, что обезьянки эти – полное барахло, дешевка, если, конечно, называть вещи своими именами. И кому они могли понадобиться? Сумасшедшему Элкиному поклоннику? Ну, уж у Антонины Васильевны точно никаких поклонников нету.

Надежда почувствовала легкое покалывание в корнях волос, что означало, что история с обезьянами интересная. И не просто так, а есть в ней что-то криминальное.

«Глупости, – тут же сказала она себе, – просто я до того извелась от скуки, что готова искать криминал там, где его и быть не может. Нужно выбросить из головы этих дурацких обезьян! Действительно, какая ерунда лезет в голову!»

– Надя, горелым пахнет! – крикнул муж из ванной.

– Черт!

Так и есть, оладьи здорово подгорели. Надежда в сердцах бросила на сковородку следующую порцию и сосредоточилась на приготовлении завтрака.

Муж вышел на лестницу, но в последний момент обернулся:

– Надюша, ты не забыла, что мне завтра понадобится мой синий костюм? Ну, тот... ты знаешь, о каком я говорю.

Последние слова прозвучали немного смущенно – Сан Саныч был человек сугубо материалистических убеждений и ни за что не мог вслух признаться, что считает синий в узкую

полосочку костюм счастливым или приносящим удачу. Но Надежда-то прекрасно знала, что так и есть и что именно поэтому муж надевает этот костюм на самые важные и серьезные встречи.

– Не забыла, не забыла! – заверила она мужа. – Я как раз сегодня получаю его из химчистки.

– Хорошо, – проговорил муж не вполне уверенно. Подтекст, выражавшийся в этой неуверенной интонации, был такой: лучше бы ты никуда его не сдавала, а то еще задержат костюм в химчистке, и придется мне завтра идти в несчастливом костюме... и тогда неизвестно, чем закончатся важные переговоры...

– Не волнуйся, дорогой! – проговорила Надежда, поправляя шарф на шее мужа. – Будет твой счастливый костюм в полном порядке!

– Ну что ты говоришь... – смущенно забормотал Сан Саныч. – Что за суеверия...

В итоге, чтобы не волноваться, переделав утром все неотложные домашние дела, Надежда отправилась в химчистку.

Приемщица разговаривала по мобильному телефону и выглядела какой-то взволнованной. При виде Надежды она с сожалением бросила телефон в ящик стола, буркнув, что перезвонит.

Надежда протянула ей квитанцию.

Приемщица уставилась на эту квитанцию, как баран на новые ворота, а затем проговорила:

– Женщина, что вы мне даете?

– Как – что? – В первый момент Надежда Николаевна вообразила, что перепутала бумажки и вместо квитанции из химчистки отдала приемщице платежку за коммунальные услуги, которая лежала в той же сумке. Она перегнулась через стойку, убедилась, что подала то, что нужно, и повторила: – Как – что? Квитанцию, из вашей, между прочим, химчистки! Вон же название...

– Вижу, что из нашей! Но дата-то какая? Она только позавчера выписана! Конечно, ваши вещи еще не готовы!

– Постойте. – Надежда сделала над собой усилие, чтобы голос звучал спокойно. – Мы же с вами позавчера конкретно договорились, что вот этот костюм будет готов сегодня... остальные вещи мне не нужны срочно, но этот костюм...

– Я с вами ни о чем не договаривалась! – перебила ее приемщица. – Я позавчера вообще не работала! Я вас первый раз вижу!

– Ну, может, не конкретно с вами, может, конечно, с вашей сменщицей, но я точно договорилась. Вот же здесь и пометка стоит, против костюма, и указана сегодняшняя дата... Я, между прочим, за срочность доплатила...

– Не знаю... – Приемщица внимательно взглядела в квитанцию. – Мало ли, о чем вы с ней договорились... Насчет срочности здесь ничего не сказано.

– То есть как это не знаете? – Надежда мгновенно вскипела от возмущения. Главное же – она представила, что выскажет ей муж, когда узнает, что его счастливый костюм не готов. Сам посадил пятно на лацкане, вот как он умудрился? И сам же будет ругаться!

Приемщица смотрела сердито, видно, что приготовилась стоять насмерть. Они не пройдут, за нами Москва, врагу не сдастся наш гордый «Варяг» и так далее.

– Безобразие! – воскликнула Надежда. – Где ваш заведующий? – и, не дожидаясь ответа, она протиснулась за стойку.

– Она занята! – Приемщица попыталась оттеснить Надежду, но это ей не удалось: Надежда уже проскользнула за дверь с надписью: «Только для персонала».

За этой дверью оказалась хромированная стойка, на которой висели аккуратные ряды вычищенной одежды, а за этой стойкой – еще одна дверь. Хотя на этой двери не было ника-

кой таблички, Надежда Николаевна уверенно толкнула ее – и действительно оказалась в кабинете заведующей. Приемщица что-то кричала ей вслед, но побоялась, видно, оставить рабочее место.

Заведующая химчисткой была плотная коренастая брюнетка с короткой стрижкой и узкими малиновыми губами. Как ни странно, она не сидела за своим столом, а стояла перед ним на коленях и что-то вытаскивала из-под его левой тумбы. Тут же на полу валялись какие-то обрывки и осколки.

– Вы кто? – пропыхтела она, повернувшись к Надежде. – Вы почему? Вы по какому вопросу?

– А что вы там делаете? – удивленно проговорила Надежда. – То есть, извините, это не мое дело... я вам позавчера сдала в чистку одежду, и один костюм мне обещали вернуть сегодня. Мне это очень важно, мужу этот костюм завтра с утра понадобится... И вообще, я доплатила за срочность, а теперь...

Заведующая вытащила из-под левой тумбы письменного стола треснутую табличку и поставила ее на стол.

«Зав. предприятием Преснякова И. В.», – машинально прочитала Надежда. Заведующая, тяжело дыша, поднялась на ноги, отряхнулась, расправила юбку и протянула руку. Надежда отдала ей квитанцию и показала на приписку:

– Вот видите, здесь стоит пометка с сегодняшней датой... понимаете, остальные вещи мне не скоро понадобятся, но вот этот костюм обязательно нужен к завтрашнему утру...

– Понимаю... – Заведующая вздохнула. – Но и вы тоже поймите... у нас случилось ЧП... кто-то ночью вломился в офис... поэтому все буквально на взводе...

– А что – разве у вас нет сигнализации?

– В том-то и дело, что есть!

– И что – она не помогла?

– В том-то и дело, что не помогла! – Заведующая сокрушенно развела руками. – Тот человек, который устанавливал сигнализацию, клялся, что ее очень трудно отключить. Почти невозможно. Тем не менее воры отключили сигнализацию и устроили здесь форменный погром... вы же видите, я до сих пор не привела все в порядок.

– А что у вас украли?

– В том-то и дело, что ничего. Видно, какие-то подростки нахулиганили. Все поломали, порвали, побили, все документы выкинули из ящиков. Поэтому мы запутались в документации и задержали некоторые заказы. Господи, хорошо, что одежду не тронули, а то вовек бы не рассчитаться с клиентами было!

– Но мне очень, очень нужно получить свой костюм, то есть костюм мужа, к завтрашнему дню! У него назначена важная встреча, и он хочет пойти на нее непременно в этом костюме. Так что вы понимаете – если костюм не будет готов, мне от мужа здорово влетит! В общем, жизни не будет!

– Я вас понимаю, женщина, – вздохнула заведующая, и Надежда действительно увидела в ее глазах сочувствие и понимание. – Я вас понимаю как женщина женщину. Мужчины – они такие требовательные... Подождите здесь несколько минут, я поговорю с мастером – может быть, удастся что-нибудь сделать.

Она вышла из кабинета, оставив Надежду одну.

Надежда сидела на стуле, сложив руки, и от нечего делать оглядывала кабинет.

Кабинет как кабинет, только и правда повсюду следы погрома. Мятые и рваные бумаги, керамические осколки...

Один осколок чем-то заинтересовал Надежду. Она наклонилась и подняла его.

Осколок был довольно большой, и, повернув его к свету, Надежда поняла, что это осколок керамической статуэтки.

Сморщенная обезьянья мордочка с черной челочкой и ярко-красными губами.

Приглядевшись, Надежда Николаевна заметила в обезьянке едва уловимое, но несомненное сходство с заведующей химчисткой.

В коридоре послышались торопливо приближающиеся шаги. Надежда машинально сунула керамический осколок в свою сумку.

Дверь кабинета открылась, и вошла заведующая. Лицо ее выражало удовлетворение. При этом Надежда заметила в ней отчетливое сходство с разбитой керамической обезьянкой...

– Ну, все в порядке, женщина! – заявила заведующая победным тоном. – Мастер почистит ваш костюм, то есть костюм вашего мужа, в первую очередь. Вы сможете зайти часа в четыре? Он тогда уже точно будет готов.

– Обязательно зайду! – обрадовалась Надежда. – И большое вам спасибо!

– Не за что! Мы, замужние женщины, должны поддерживать друг друга!

На этой мажорной ноте Надежда покинула химчистку.

Она шла по улице к дому и думала о том, что только что услышала.

Какие-то неизвестные воры вломились в офис этой химчистки, но ничего ценного там не взяли. Вообще ничего не взяли. Тогда какие же это воры? Ну да, заведующая и уточнила, что это не воры, а хулиганистые подростки...

Но, однако, они сумели каким-то образом отключить сигнализацию... на малолетних хулиганов не похоже, скорее смахивает на работу профессионалов. С другой стороны, дети сейчас такие шустрые. В том, что касается техники, сто очков взрослым дадут, а уж про компьютеры и говорить нечего...

Но у Надежды в голове никак не укладывалось, что подростки, сумевшие профессионально отключить сигнализацию, сделали это только для того, чтобы нахулиганить.

Стало быть, все же работали люди взрослые. Но профессионалы не стали бы стараться за просто так.

Нет, что-то здесь не сходится.

А к тому же среди следов погрома Надежда нашла осколок керамической обезьянки, похожей на заведующую.

Она вспомнила то, что рассказала ей Элла Тихоструева.

Элла рассказала о мастерской, где можно заказать керамическую игрушку, похожую на конкретного человека. Ее ученицы заказали в этой мастерской обезьянку, похожую на Эллу.

И эту обезьянку кто-то несколько дней назад украл.

А в кабинет заведующей химчисткой накануне влезли неизвестные, ничего не взяли, но разнесли все, в частности, разбили керамическую обезьянку, очень похожую на заведующую.

Наверняка эту обезьянку заказали в той же самой мастерской...

А вот это уже подозрительно. Особенно если добавить к этим двум случаям третий. Точнее, первый. Во всяком случае, первый, о котором узнала Надежда.

«Ну, подумаешь, совпадение!» – прозвучал внутренний голос Надежды. Этот ее внутренний голос был очень рассудительный и благонамеренный, он чем-то был очень похож на голос мужа и, как и муж, всегда старался удержать Надежду от рискованных и опасных шагов. К сожалению, Надежда к нему очень редко прислушивалась.

Вот и сейчас она немедленно возразила:

– Не бывает таких совпадений! Еще два случая – куда ни шло, но три – это ни в какие ворота! К тому же... к тому же...

Надежда хотела добавить, что снова чувствует знакомое покалывание в корнях волос, но это был уже совсем несерьезный аргумент, и она его опустила.

«Ну и что? – не сдавался внутренний голос. – Даже если это не совпадение – тебя-то это никак не касается! Ну, обезьянки! Ну, керамические! Какое тебе до них дело? У тебя голодный кот дома, а вечером муж вернется. Вот о чем тебе нужно думать!»

– А я и думаю! – ответила Надежда. – Я, между прочим, за костюмом для него пошла, и не моя вина, что костюм еще не готов! Так я своего добилась, костюм почистят к четырем часам, а до того у меня есть свободное время!

«Да ты даже не знаешь, где находится та мастерская, где сделали трех обезьянок!»

Надежда хотела достойно ответить своему внутреннему надзирателю, но тут она перехватила удивленный взгляд встречного мужчины и поняла, что разговаривает вслух.

Конечно, сейчас это не выглядит такой странностью и патологией, как десять – пятнадцать лет назад, сейчас разговаривающий сам с собой человек, скорее всего, просто говорит по мобильному телефону с гарнитурой, но все равно это непорядок.

Поэтому Надежда замолчала, неодобрительно зыркнув на встречного мужчину, и тут же перевела взгляд на витрину, мимо которой в данный момент проходила.

И застыла на месте.

Потому что в этой витрине сидели и стояли дружными рядами керамические собаки и собачки самых разных пород – овчарки и бульдоги, хаски и кокер-спаниели, фокстерьеры и левретки, йоркширские терьеры и ньюфаундленды.

Причем эти собаки не просто стояли и сидели – овчарка сидела в кресле с газетой в руках, фокстерьер размахивал бело-голубым шарфом, явно болея за любимую команду, толстый английский бульдог уплетал гамбургер, левретка вязала крючком детский носочек – словом, собачки занимались исключительно человеческими делами и были очень похожи на людей.

Надежда сообразила, что если выбрать собаку соответствующей породы и занятую соответствующим делом, можно, немного пройдясь по ней кистью и краской, придать ей сходство с определенным человеком, с тем, кому ты хочешь сделать подарок...

И тут же она вспомнила о трех злополучных обезьянках.

Наверняка они были заказаны в этой самой мастерской. Говорила же Эллка, что мастерская возле метро, так вон оно, метро-то. Просто тогда, когда заказывали приматов, наступал год Обезьяны по восточному календарю, а теперь скоро придет год Собаки, вот хозяин мастерской и выставил соответствующий ассортимент.

Не додумав эту мысль до конца, Надежда толкнула дверь и вошла в мастерскую.

При этом дверной колокольчик мелодично звякнул, и человек, который сидел за прилавком, поднял глаза на Надежду.

Это был пожилой мужчина, чем-то похожий на грустную овцу.

– Здравствуйте, – проговорил он блеющим голосом. – Чем я могу вам помочь?

В голове Надежды промелькнула совершенно несвоевременная мысль, что год Овцы еще не скоро. А затем она задумалась над более насущным предметом – как объяснить свой интерес к этой мастерской? Ведь нельзя же прямо сказать ее хозяину, что она столкнулась с подзрительной историей, касающейся трех керамических обезьянок. И тем более нельзя сослаться на покалывание в корнях волос...

Надежда еще обдумывала, с чего начать, а ее голос уже произносил первую фразу:

– Понимаете, я хочу сделать подарок своей старой подруге... оригинальный подарок...

– Понимаю, – кивнул мужчина, – все наши клиенты приходят именно за этим. Тогда ответьте на первый и очень важный вопрос: какой породы ваша подруга?

– Что, простите? – удивленно переспросила Надежда, подумав, что ослышалась.

– Ну, на собаку какой породы она больше всего похожа?

Надежда задумалась.

Сказав, что хочет сделать подарок подруге, она никого конкретно не имела в виду, но сейчас уже поняла, что если уж кому-то делать такой подарок – так Алке Тимофеевой.

Алка была ее самая старая и верная подруга, они с ней дружили с первого класса школы. Сейчас Алка преподавала русский язык и литературу и была завучем старших классов, у нее был замечательный муж Петюнчик, очень крупный ученый-химик. Были еще у Алки два взрос-

лых сына, один женатый, и, кажется, внук там уже на подходе, кошка Марфа и говорящий попугай Кеша. А еще у нее была замечательная собака – немецкая овчарка по кличке Дик.

Однажды Надежда с Алкой вместе пережили удивительные и опасные приключения, выручая Петюнчика из неприятностей. Словом, дружили они так давно и так близко, что Надежда уж и не помнила, как она жила без Алки.

А еще у Алки было весьма специфическое чувство юмора (в школе без этого нельзя), так что она, несомненно, оценит такой забавный подарок. Но если выбирать породу собаки, которую дарить Тимофеевой, то тут возникают сомнения.

С одной стороны, Алкин любимый пес Дик – немецкая овчарка, но, с другой стороны, Алка на него совсем не похожа ни комплекцией, ни характером, ни привычками...

– Да, задали вы мне задачу... – пробормотала Надежда, незаметно оглядываясь по сторонам, в конце концов, она не только за подарком сюда пришла.

Хозяин магазина заметил Надеждины колебания и вытащил из-под прилавка толстую книгу, точнее, альбом с фотографиями в старом бархатном переплете:

– Посмотрите, вот здесь приведены образцы наших изделий. Может быть, вам что-то понравится.

Действительно, Надежда увидела в альбоме сотни фотографий самых разных керамических собак – куда больше, чем было выставлено в магазине. Она переворачивала страницу за страницей и вдруг на очередной странице увидела Алку.

Вообще-то это был американский бульдог, но выражение лица, точнее, морды у него было точно такое, какое было у Алки Тимофеевой, когда она распекала у себя в кабинете Веню Сеточкина из шестого «А» класса, который устроил взрыв на уроке химии. Так и казалось, что бульдог сейчас пролает: «Без родителей не приходи!»

Мало того, бульдог был сфотографирован в нескольких вариантах оформления: в черном смокинге с бабочкой, в спортивном адидасовском костюме и в клетчатом пиджаке, так вот этот клетчатый пиджак был очень похож на любимый Алкин пиджак, в котором Тимофеева чаще всего ходила на работу.

Вообще-то Алка больше всего любила одежду в ярких и крупных цветах, но все же понимала, что завучу школы такая расцветка не всегда подходит, иногда она может негативно сказаться на педагогическом авторитете, поэтому и надевала пиджак в клеточку. Когда Надежда пыталась ей намекнуть, что этот пиджак ей не слишком идет и подчеркивает ее внушительные габариты, Тимофеева только отмахивалась – вечно тебе все не нравится, вечно ты все критикуешь! И вообще, это ты дома сидишь, так что у тебя времени навалом, а мне на сон и то не хватает! Одних тетрадей сколько проверить надо! Так что не могу я по магазинам бегать!

После таких слов Надежда обижалась, но долго сердиться на Алку не могла. Так что пиджак в клеточку продолжал нервировать всех, кроме самой Алки.

– Вот, вот это! – проговорила Надежда, показав хозяину магазина клетчатого бульдога.

– Понятно! – Тот вытащил из-под прилавка толстую амбарную книгу, перелистал ее и записал на чистой странице номер, под которым этот бульдог значился в каталоге. – А какие у вас будут дополнительные пожелания? За каким занятием изобразить вашу подругу? Какой ей сделать макияж, какие аксессуары?

– Макияж – поярче, – ответила Надежда не задумываясь, – помаду ярко-красную, и румянец во всю щеку, он у нее такой от природы... а вот занятие...

Она подумала, что чаще всего Алка занимается проверкой тетрадей своих учеников. А еще она читает классическую русскую литературу для подготовки к урокам – ведь она преподает в своей школе русский язык и литературу и, как сама утверждает, и Надежда ей верит, никогда в жизни не пришла на урок неподготовленной.

– Можно изобразить ее с томом Пушкина в руках.

– Отлично! – Хозяин магазина сделал в амбарной книге соответствующие пометки.

– Что это вы по старинке работаете? – поинтересовалась Надежда. – Все уже давно компьютерами обзавелись, а вы от руки записываете. Неудобно же и хлопотно.

– Ох, не спрашивайте! – вздохнул хозяин. – Я вовсе не ретроград, я тоже шел в ногу с прогрессом, весь учет у меня был в компьютере, так что вы думаете?

– Что? – переспросила Надежда, чтобы продемонстрировать свой интерес к предмету разговора.

– Украли у меня тот компьютер! Хорошо, Алевтина Дмитриевна параллельно с компьютером все в эти книги записывала, так что у меня отчетность сохранилась.

– Украли... – протянула Надежда.

Все это показалось ей очень подозрительным.

– Ну да, украли... влезла какая-то шпана и утащила... хорошо, больше ничего не взяли...

Влезли... не взяли ничего, кроме компьютера...

Это очень напоминало историю с кражей в химчистке. Там, правда, вообще ничего не взяли, только разбили злополучную керамическую обезьянку...

– Сейчас, – продолжал хозяин мастерской, – сейчас вот новый компьютер купил, только программы на него установят, и буду снова, как люди, в электронной форме учет вести. Только вот не знаю, что с этими книгами делать – их ведь надо тоже в компьютер ввести, а кто этим будет заниматься?

– А хотите – я это сделаю? – выпалила Надежда неожиданно для себя самой. – Введу ваши книги в компьютер...

– Что, вы это серьезно? – Хозяин уставился на нее недоверчиво. – А вы умеете?

– Уж как-нибудь, – обиделась Надежда, – у меня вообще-то высшее техническое образование, двадцать пять лет инженером проработала на режимном предприятии! У нас там знаете, когда компьютеризация началась? Страшно сказать, в каком году! Обычные люди про компьютеры еще и не слышали...

В данном случае Надежда, возможно, немного преувеличила, но слова «режимное предприятие» произвели на хозяина мастерской сильное впечатление.

– Только я вам много заплатить не смогу... – протянул он жалостно.

– Да можете ничего мне не платить. Я сейчас не работаю, у меня много свободного времени, а вы мне в качестве гонорара сделаете эту собаку. Подарок для подруги. Вот мы с вами и будем в расчете. А я вам свои паспортные данные оставлю и все телефоны, чтобы вы не волновались за свою отчетность.

– Ну, если так – тогда я вам очень благодарен... – И хозяин магазина, пока она не передумала, вытащил из-под прилавка несколько толстых амбарных книг.

Внутренний голос Надежды всячески стыдил ее, пытался отговорить, но она его не слушала. Она схватила амбарные книги, крепко зажала их под мышкой и поскорее ушла, пока хозяин мастерской не передумал. Все же в его глазах читалось легкое подозрение. Хорошо еще, что в мастерской в данное время не было неизвестной Алевтины Дмитриевны, она бы точно не доверила Надежде ничего. Просто так, из врожденной женской подозрительности.

«Что это было? – возмущенно проговорил внутренний голос, когда Надежда вышла из магазина. – Взяла на себя такую обузу, как будто у тебя мало дел! Главное зачем?»

– Затем, чтобы изучить эти книги! Узнать, здесь ли заказывали тех трех обезьянок, с которыми в последние дни случились неприятности. И кто еще заказывал таких же.

Видимо, такое объяснение удовлетворило внутренний голос. Во всяком случае, он на какое-то время замолчал. А скорее всего, понял, что бесполезно призывать Надежду к благоразумию. Ну да, горбатого могила исправит!

У подъезда, как всегда, маячила Антонина Васильевна, и Надежда похвалила себя, что убрала амбарные книги в большой непрозрачный пакет, не то Антонина непременно бы заин-

тересовалась. Однако соседке, судя по всему, было в данный момент не до этого. Она разговаривала по телефону и Надежде только кивнула.

Надежда задержалась еще у почтовых ящиков, когда Антонина, пыхтя, протиснулась в двери.

– Ох, Надя, ну и история! – выдохнула она.

– Да что опять случилось, вы здоровы ли?

– Да я-то ничего, а вот Люська... – Антонина тяжело вздохнула, – звонит утром – плачет-заливается. Жених-то ее бросил!

– Да что вы? – Надежда едва не выронила пакет. – А с чего это вдруг? Вроде бы все хорошо у них было...

– Да это Люська так говорила, а я-то сомнения имела, но при себе держала, чтобы не сглазить. И вот, она говорит, пришли они как раз от меня, а он нервный какой-то, дерганый. Люське бы промолчать, оставить мужика в покое, а она лезет к нему со всякими разговорами. Он сперва отмалчивался, потом рявкнул на нее, она в ванную ушла обижаться, а как вернулась – его и нету. Люська было испугалась, а тут он возвращается. Выходил, говорит, покурить, воздухом подышать, а то у тетки твоей так душно... И с чего это у меня душно, все форточки открыты хоть зимой, хоть летом!

Это было верно, Антонина Васильевна известна была в доме удивительной любовью к свежему воздуху. Мало того, что она вечно отиралась во дворе возле подъезда, так еще и дома балкон у нее всегда был открыт.

– Ну, Люська-то со своим спорить не стала, хоть на это ума хватило, – продолжала Антонина, – а утром просыпается она, а женишок уже и чемодан собрал. Мы, говорит, с тобой, Людмила, характерами не сошлись, мне, говорит, с тобой скучно и неинтересно. Ты, говорит, все о семейной жизни толкуешь, а я – птица вольная, перелетная, не создан я для семейной жизни. Ты, говорит, не обижайся, ты женщина неплохая, может, еще найдешь свое счастье.

– М-да-а... – протянула Надежда, – в общем, напрасны ваши совершенства, их вовсе не достоин я.

– Точно, – вздохнула Антонина Васильевна, – так примерно все и изложил, как поэт сказал. И ушел, пока эта дуреха глазами хлопала и понять его слова пыталась.

– Она хоть проверила, может, что ценное пропало?

– Да что у нее ценного? – отмахнулась Антонина. – Бедновато они с матерью жили, ничего не нажили. Но вроде деньги какие-то на месте, пара колечек, сережки, бабкины еще, на месте остались... Да... – снова вздохнула Антонина, – они, Сельдереевы-то, все в этом плане невезучие. У бабки Люськиной муж был, но рано погиб. Замерз по пьяни, так в сугробе его и нашли. Мать Люськина и замуж не успела выйти – как хахаль ее узнал, что она беременна, так сразу и слинял в неизвестном направлении. Люська вот никак не могла себе мужика найти, а ведь и квартира есть собственная, и зарабатывает что-то. Но вот выросла без мужика в доме, так и понятия не имеет, как себя с ними вести надо. Ой, Надя, что-то у меня сердце не на месте, пойду еще ей позвоню, а то как бы она чего с собой не сделала от горя-то. Уж так убивается, как будто муж с фронта не вернулся и ее с тремя детьми оставил... Тыфу на мужиков этих, не стоят они того!

Надежда попрощалась и пошла к себе.

Бросив тяжеленный пакет на пол в прихожей, она уселась на пуфик и задумалась. Хватит отмахиваться от очевидного и спорить с внутренним голосом. Ясно же, что с этими обезьянами что-то нечисто. Кто-то за ними охотится, а для чего? Чтобы разбить. Вот не нравятся ему эти приматы, хочет он их уничтожить. Всех.

Ерунда, такое только в фильмах ужасов бывает, тут же возразила себе Надежда. На самом деле для любого действия всегда есть причина. Ну, почти всегда. Значит, допустим, что разбивает он этих обезьян, чтобы оттуда что-то достать.

Надежда тут же вспомнила рассказ Конан Дойля. Как он назывался – «Шесть Наполеонов», кажется? Там в бюсты Наполеона преступник положил украденный бриллиант. А потом сбежал и забыл, в который бюст. Вот и бегал по заказчикам и разбивал бюсты молотком, пока Шерлок Холмс не догадался и не успел раньше.

Так и тут, сунул в заготовку обезьяны какую-то мелкую, но ценную вещь (вряд ли бриллиант), а потом не успел забрать, обезьян уже отдали заказчикам.

Непонятно только, где он был три года, что только сейчас спохватился. Нынче уж год Собаки, Лошадь и Петух пролетели. Ну, может, ему пришлось срочно уехать.

Теперь вопрос: кто такой *он*? Это, конечно, не может быть работник сувенирной мастерской, он бы точно знал, в какую обезьяну положил нужную вещь. Значит, это человек постоянный. А что такого, хозяин мастерской – немолодой рассеянный человек, он мог ничего не заметить.

Значит, возвращается этот тип и начинает искать обезьян. С этой целью влезает в мастерскую и уносит компьютер, в котором записаны все заказчики. Имя, фамилия, мобильный или домашний телефон. И бодренько так начинает этих людей обходить.

Обезьяну Элки Тихоструевой достает без всякого труда – она стоит на самом видном месте, никто не смотрит, заходи кто угодно – и бери. Что он и сделал.

Дальше – химчистка.

Тут сложнее, потому что обезьяна находится в кабинете заведующей, опять же везде сигнализация. Но у человека стимул есть, так что он отключает сигнализацию, находит обезьяну, тут же ее разбивает и уходит, убедившись, что обезьяна не та.

Дальше – невезучая племянница Люська.

Пришлось этому типу за ней поухаживать, втереться в доверие, дома побывать. Люська ума небольшого, да еще болтушка, мигом выложила ему все про родственников. Он ее убедил в своих серьезных намерениях, напросился в гости к тетке, там похитил обезьяну, потому что стояла она у Антонины на самом видном месте.

Потом нервничал, еле дождался, когда один останется, вышел на улицу, разбил обезьяну, выяснил, что там ничего нет, и все, зачем ему после этого Люська? Как поется в старой песне: мы странно встретились и странно разойдемся!..

Интересно, что же это за тип? Антонина говорила, звать Витей, так небось и паспорт фальшивый...

Снизу донеслось изумленное «мурм». Это кот Бейсик удивлялся, отчего это хозяйка вот уже минут двадцать сидит на пуфике в пальто и в одном сапоге. Сидит неподвижно, только губами шевелит. Нет, людей все-таки не всегда понять можно...

Надежда погладила кота, переоделась и заварила себе кофе, затем уселась за стол в кухне, разложив перед собой амбарные книги из мастерской.

– И думать не смей! – строго сказала она оживившемуся коту. – Это же документы!

Кот очень любил рвать старую бумагу. Найдя на шкафу старые газеты, он откусывал маленькие кусочки и плевался ими вниз, следя сверху, как клочки планируют на пол. Такое было у кота развлечение, которое Надежда очень не одобряла, выбросив все старые газеты.

Раскрыв первую из амбарных книг, Надежда Николаевна очень скоро поняла, что взвалила на себя непосильную задачу. Во-первых, записей в книгах было очень много. Во-вторых, все они были сделаны удивительно неразборчивым почерком. Буквы были очень крупными, однако это ничуть не помогало их разобрать, они словно спотыкались, наползали друг на друга, строчки то шли вверх, то сползали вниз, словно утомившись от долгого подъема.

Надежда долго смотрела на первую страницу, пока ей не пришла в голову неожиданная идея. Книгу заполнял явно человек с плохим зрением, скорее всего – с небольшой дальностью, так, может, нужно наложить минус на минус, чтобы в результате получился плюс?

Надежда редко носила очки. Она считала, что очки ей не идут, и просто их стеснялась. Да они и нужны ей были нечасто – только для того, чтобы смотреть вдаль. Поэтому надевала их Надежда только в зале кинотеатра, и то когда погасят свет. Но теперь она их надела и посмотрела в амбарную книгу.

Страницы книги стали нечеткими, расплывчатыми, но, как ни странно, ей теперь удалось разобрать записи. Так бывает с некоторыми картинами, которые вблизи кажутся бессмысленным нагромождением разноцветных мазков, а когда отходишь от них подальше, из этого хаоса возникает какое-то осмысленное изображение – человеческое лицо или натюрморт с букетом цветов.

Во всяком случае, Надежда Николаевна быстро поняла, что первая книга заполнена совсем недавно, в этом году. А ей были нужны записи за позапрошлый год – когда приближался год Обезьяны по восточному календарю.

Перебрав амбарные книги, Надежда нашла нужную.

И вот, с немалым трудом разбирая записи, она увидела на странице, в графе «заказчик», знакомую фамилию: Л. Сельдереева.

Ну да, это же Люська, бестолковая племянница Антонины Васильевны! Три года назад она заказала в мастерской сувенирную обезьянку в подарок своей любимой тете. Лучше бы она этого не делала, потому что из-за обезьяны познакомилась с тем роковым типом, который внушил ей несбыточные надежды, а потом бросил. Но кто может заранее знать, что выйдет из наших поступков? В конце концов Люська эту драму переживет. Не в первый раз.

Отлично, первая обезьянка есть. Теперь, если Надежда не ошибается, где-то поблизости должны быть остальные.

Она просмотрела соседние записи – и через несколько строчек от первой обезьянки нашла вторую. Правда, в графе «заказчик» стояла незнакомая фамилия, но зато рядом, в графе «особые пометки», Надежда прочитала: «Надпись на подставке: Ираиде Витальевне Пресняковой – от коллег и подчиненных».

Надежда вспомнила, что заведующую химчисткой звали И.В. Преснякова, так было написано на треснутой табличке.

Ага, значит, она не ошиблась, и в химчистке была вторая обезьянка, заказанная в этой же мастерской...

Надежда положила рядом с амбарной книгой чистый лист бумаги и аккуратно выписала на него всех обезьянок, заказанных примерно в то же время.

Всего таких заказов оказалось восемь. Кроме обезьян, были еще фигурки Дедов Морозов и Снегурочек, а также ангелы, керамические елочки и подсвечники. В общем – всякая мура, на которую Надежда решила не отвлекаться.

Итак, если от восьми отнять три, то получается пять. То есть тот тип должен найти еще пять обезьян. И теперь вероятность находки будет не один к восьми, а один к пяти, то есть повысится.

Против трех оставшихся обезьянок были записаны мобильные телефоны, против двух – городские. С них-то Надежда и решила начать, здраво рассудив, что это, скорее всего, служебные телефоны каких-то организаций или учреждений и в таком случае легче аккуратно что-нибудь выведать. А если по мобильному звонить, то, если честно, и сказать нечего. Простите, это не вы три года назад заказывали в мастерской керамическую обезьяну? Какая будет реакция человека на такой вопрос? Тут же нажать кнопку отключения. Хорошо еще, если не обругают.

А если попадется памятный индивидуум, который вспомнит, что да, была такая обезьяна, но тут же задаст встречный вопрос: зачем она Надежде-то нужна? Это же все равно что искать даже не прошлогодний снег, а третьего года выпуска. И никакого разумного ответа Надежда пока на этот вопрос не придумала. Ладно, все еще впереди.

Набрав первый городской номер, Надежда услышала жизнерадостный и приветливый женский голос:

– Вы позвонили в офис компании «Мертвомор»! Вам ответит первый же освободившийся оператор! Подождите, не вешайте трубку, ваш звонок очень важен для нас!

После этого заиграла музыка, в которой Надежда с трудом узнала весьма необычную аранжировку «Болеро» Равеля. Надежда всегда считала эту мелодию чрезвычайно заунывной, но в новой аранжировке она разбила все рекорды.

Некоторое время из трубки лилась заунывная мелодия, затем другой голос – не такой приветливый – сообщил Надежде, что в целях улучшения качества обслуживания все разговоры могут быть записаны. Затем ее попросили еще немного подождать, и снова заиграла музыка. Скоро Надежду начало клонить в сон, но тут, к счастью, музыка оборвалась и в трубке зазвучали сигналы отбоя.

Надежда на всякий случай повторила эксперимент, но результат был точно такой же: жизнерадостное приветствие, просьба подождать и заунывная мелодия Равеля.

– Куда же они все подевались? – пробормотала Надежда, ни к кому не обращаясь.

Однако в ответ на эти слова возле ее кресла материализовался кот и громко мурлыкнул. Причем в этом мурлыканье можно было без труда расслышать слово «мрак».

– Да, Бейсик, ты прав, – проговорила Надежда. – Действительно мрак! Одно название чего стоит – «Мертвомор»! Интересно, кому пришло в голову дать фирме такое жизнеутверждающее название? И чем такая фирма может заниматься? Разве что похоронами... Но даже похоронные компании избегают таких мрачных названий, они предпочитают что-нибудь вроде «Тихой гавани» или «Кипарисового покоя»...

Из чистого любопытства Надежда залезла в Интернет и без труда нашла там сайт соответствующей компании.

К ее немалому удивлению, на главной странице были изображены не обитые бархатом гробы и могильные плиты, а загорелые красотки в открытых купальниках.

Недоумение Надежды стало еще больше, но очень скоро все разъяснилось.

Тут же, на главной странице сайта, сообщалось, что компания «Мертвомор» распространяет косметику, изготовленную на основе натуральных солей Мертвого моря.

– И тем более мне непонятно, кто додумался назвать косметическую фирму таким мрачным названием! Кроме общепохоронных ассоциаций в нем слышится что-то созвучное Мордору, царству зла из «Властелина колец», или Волан-де-Морту...

Но самым интересным было то, что офис компании располагался буквально в двух шагах от Надеждиного дома.

– Вот как... – протянула Надежда. – А мне как раз нужно купить хлеба...

Бейсик взглянул на нее очень недоверчиво, так что Надежда пообещала еще заглянуть в кошачий мини-маркет и принести ему какую-нибудь игрушку.

Выйдя из дома, Надежда честно направилась в сторону пекарни, где она часто покупала свежий хлеб. Там она купила буханку свежего зернового хлеба, испеченного по особому рецепту, какой любит Сан Саныч, и не удержалась – взяла еще две булочки, одну с маком, другую – с кленовым сиропом. Слаб человек. Ладно, вечером чай несладкий попьет.

Из пекарни она вроде бы собралась домой, но по какой-то непонятной причине через две минуты оказалась возле двухэтажного здания, где, судя по сайту, размещался офис компании «Мертвомор». Мелькнула последняя спасительная мысль развернуться и пойти в зоомаркет, раз обещала коту, а после уж домой, но Надежда от этой мысли просто отмахнулась.

Она оглядела вывески на фасаде здания.

«„Саня“ – инженерная сантехника».

«„Стройный тополек“. Йога и пилатес».

«„Ганг“. Индийские продукты и сопутствующие товары для здорового образа жизни». И наконец – «„Мертвомор“. Косметика и парфюмерия из солей Мертвого моря».

Надежда вошла в двери и поднялась на второй этаж, где, судя по вывеске на фасаде, находилась фирма с двусмысленным названием. Никто ее не остановил, двери были раскрыты, в холле не было никакой охраны, из чего Надежда сделала вывод, что все фирмы, находящиеся в здании, какие-то несолидные и проникнуть в этот самый «Мертвомор» будет нетрудно.

Однако, найдя офис под нужным номером, она увидела перед ним двух бравых парней в аккуратных голубых комбинезонах, которые привинчивали над дверью голубую вывеску, на которой буквами из белых пузырьков было написано: «„Аква-вива“. Доставка артезианской питьевой воды и сопутствующих товаров».

– Простите, ребята! – обратилась Надежда к рабочим. – А здесь ведь раньше была фирма «Мертвомор».

– Была да сплыла, – ответил один из парней.

– Момент – и в море! – подхватил второй. – Теперь здесь будет наша компания. Вам, женщина, не нужна питьевая вода?

– Артезианская! – добавил первый. – Самая что ни на есть природная! С доставкой!

– Надо подумать... – неуверенно ответила Надежда. – А куда делась фирма «Мертвомор»?

– Чего не знаем, того не знаем! Они съехали, нам велели их вывеску демонтировать, вот мы и выполняем, – парень в комбинезоне показал на прислоненную к стене вывеску с прежним названием.

– А куда же они съехали? – не отставала Надежда.

– Чего не знаем, того не знаем! – повторил монтажник. – А на вашем месте, женщина, я бы поостерегся обращаться в фирму с таким подозрительным названием.

– И вообще, они, кажется, совсем закрылись, – добавил второй. – Во всяком случае, все барахло, что от них осталось, наш начальник велел отправить на помойку.

С этими словами монтажник показал на двух ребят в таких же комбинезонах, которые выносили из офиса картонные коробки, наполненные какими-то мелочами.

– Ребята с самого утра коробки носят и все еще не могут закончить!

– Барахло... – задумчиво повторила Надежда, провожая взглядом коробки.

– Именно барахло! Не представляете, сколько у них его накопилось! Всякие каталоги, буклеты, сувениры...

Сувениры.

Керамическая обезьянка в точности подходит под это определение.

Надежда пошла за парнями с коробками.

Парни спустились по лестнице, вышли на улицу и обошли здание с обратной стороны. Там, на бетонированной площадке, стоял мусорный контейнер. В него они и забросили свои коробки.

Дождавшись, когда brave парни уйдут за следующей партией мусора, Надежда воровато огляделась по сторонам, подошла к контейнеру, привстала на цыпочки и заглянула внутрь.

Внутри накопилось уже немало картонных коробок с мусором из фирмы «Мертвомор». Некоторые из этих коробок порвались, некоторые просто перевернулись, и их содержимое рассыпалось внутри контейнера, перемешавшись с обычным бытовым мусором.

Надежда осознала, что разглядывает содержимое мусорного контейнера, и пришла в ужас.

«Я ли это, – подумала она, взглянув на себя со стороны, – я ли это, замужняя интеллигентная женщина с высшим техническим образованием, готова, как последняя бомжиха, рыться в мусоре, чтобы найти там дурацкую сувенирную обезьянку, которой там, скорее всего, и нет? До чего я докатилась! Как низко пала!»

«А я что тебе говорил? – очень своевременно раздался у нее в голове внутренний голос. – Я пытался тебя остановить! Но разве ты когда-нибудь слушаешь умные советы?»

– Только тебя не хватало! – ответила Надежда внутреннему воспитателю и осознала, что произнесла эти слова вслух.

– Что значит – меня не хватало? – ответил ей хриплый, каркающий голос. – Это вообще, редька маринованная, Тютино законное место!

Надежда вздрогнула: это был явно не внутренний голос, во всяком случае – не ее внутренний голос. Ее собственный внутренний голос был куда приятнее и интеллигентнее и был очень похож на голос ее мужа Сан Саныча. Иногда ей казалось, что это не внутренний голос, а сам муж сидит у нее внутри, в самых печенках, зудя и воспитывая. Она обернулась и увидела пожилого бомжа с подбитым глазом, опухшей физиономией и торчащим изо рта единственным зубом. Одет бомж был в несколько неопрятных курток, которые он напялил одну на другую, и бейсболку с английской надписью: «Я люблю симфонический джаз». Кроме того, его шея была обмотана рваным шарфом цветов итальянского флага.

– Вали отсюда, редька маринованная! Это Тютино место! – повторил бомж, грозно надвигаясь на Надежду. Впереди него двигалось облако такого густопсового аромата, что Надежда закашлялась и отскочила в сторону.

– Проваливай, тетя! Здесь только Тютя может работать! Ясно, редька маринованная?

– Тютя? – переспросила Надежда.

Только что она готова была провалиться сквозь землю, сгореть со стыда из-за того, что изучает содержимое мусорного контейнера, но теперь ей не хотелось уступать его этому бомжу.

– Тютино место? – повторила она. – Так вот пускай сам Тютя сюда и явится, ему я, может, и уступлю это место! А ты-то при чем? С какой стати я должна тебе уступать?

– Как при чем, редька маринованная? При том, что я и есть Тютя!

– Тютя? – удивленно переспросила Надежда, оглядывая его с ног до головы. – Что это за имя такое – Тютя?

– А тебе-то что за дело, редька маринованная? Ну, назвали меня так родители – Тимофей, хорошее русское имя. А пацаны во дворе переделали в Тютю, так оно и пошло... а потом уж я привык...

С этими словами бомж сунул руку в контейнер, вытащил оттуда недоеденный гамбургер и хотел уже отправить его в рот. Надежда, однако, остановила его:

– Тютя, не ешь! Козленочком станешь... тьфу, заразу какую-нибудь подцепишь!

– Зараза к заразе не пристанет, редька маринованная! – философским тоном проговорил бомж. – Есть-то хочется... лучше от заразы помереть, чем от голода!

– Подожди... – Надежда залезла в свой пакет, достала оттуда булочку с маком и отдала ее бомжу. Тот недоверчиво моргнул, однако булочку взял и отправил в рот.

Надежда посмотрела, как ловко он сжевал ее единственным зубом, и отдала ему вторую булочку – с кленовым сиропом.

«Что ж, – подумала она, следя за булочкой, – это принесет двойную пользу: и человека накормлю, и сама меньше мучного съем, а то и так лишний вес набрала!»

– Вкусно, редька маринованная! – проговорил бомж, проглотив последние крошки и облизнувшись. – У тебя там больше ничего такого не осталось?

– Нет, к сожалению, – честно призналась Надежда.

– Жаль! – вздохнул Тютя. – Я бы, редька маринованная, еще такую булку съел. Или две. А что же ты в контейнере рылась, если у тебя такие булки есть?

– Ох, не спрашивай! – вздохнула Надежда. – Это такая печальная история...

– Истории я люблю. Особенно печальные, редька маринованная! – Бомж приготовился слушать.

Надежда еще раз вздохнула, лихорадочно пытаюсь придумать какую-нибудь правдоподобную историю.

– Понимаешь, – начала она, – нашла я неподалеку мастерскую, где можно всякие старые вещи починить, которые выбросить жалко. Собралась я в ту мастерскую, сложила вещи в пакет и оставила в коридоре. И тут же рядом второй пакет оставила, с мусором. А муж мой на работу шел, я ему и говорю – прихвати там мусор в коридоре. Он и прихватил. А я, значит, пошла в ту мастерскую, открыла пакет – мать честная, а там один мусор! Это, выходит, муж пакеты перепутал и вынес вещи, которые я в ремонт приготовила, на помойку... ну, муж говорит – наплюй, там одно барахло было, всякие вазочки треснутые да куклы старые, а мне жалко. Особенно одну игрушку – там обезьянка была такая симпатичная, мне сам же муж ее на Новый год подарил, и подклеить надо было совсем немного. Вот я и пришла сюда – вдруг, думаю, найдется эта обезьянка...

– Не найдется, редька маринованная! – возразил ей бомж.

– Почему не найдется? – удивленно спросила Надежда. – Откуда ты знаешь, что не найдется?

– От верблюда! – грубо ответил Тютя. – Я через эту твою обезьянку чуть вот этого самого глаза не лишился! – И он осторожно потрогал свой подбитый глаз.

– Как же это? – заинтересовалась Надежда.

– Ох, не спрашивай! Эта история еще почище твоей будет. И тоже длинная.

– А я тоже люблю истории. И никуда не тороплюсь. Как говорил один мой знакомый, до пятницы я совершенно свободна.

– Это какой такой знакомый? – насупился Тютя. – Сама говорила, муж у тебя есть, а сама тут про знакомого толкуешь. Муж, значит, на работу ходит, а она тут... Все вы, бабы, одинаковые!

В голосе Тютя звучал подлинный надрыв, видно, принял он Надеждины слова близко к сердцу.

– Да что ты, Тютя, – Надежда отважилась сделать маленький шаг ближе к бомжу, отчего дух перехватило от вони, – ты на меня зря бочку катишь. Знакомый этот – друг детства, с пяти лет его знаю.

Именно тогда бабушка научила Надю читать, и «Приключения Винни-Пуха» была едва ли не первая книжка, которую она прочитала самостоятельно.

– Ну, тогда слушай... позавчера это было. Или вчера. Я, понимаешь, насчет времени не очень. Часов нету, а эти... как их... биологические еще в молодости сломались, а в починку их не берут. В общем, пришел я сюда, как обычно, в третьем примерно часу, а может, и в четвертом, смотрю – много чего нового в контейнере появилось. Порылся я там маленько, нашел кое-что полезное – кран водопроводный, кастрюльку без ручки да несколько пластинок старых, виниловых. Кран да кастрюлька – это, редька маринованная, металл, его всегда сдать можно за живые деньги. А насчет пластинок я мужика одного знаю, он их собирает и тоже за хорошие деньги у меня берет. Сложил я это все в пакет, хотел снова в контейнер нырнуть, за новой порцией сокровищ – а тут, редька маринованная, как раз этот мужик пришел...

– Какой мужик? – переспросила Надежда.

– Ну, как тебе сказать... мужик как мужик, одет чисто, а, по мне, все, кто чисто одет, на одно лицо смотрятся. В общем, пришел – и прямиком в мой контейнер лезет, как будто в полном своем праве. Я ему говорю, проваливай отсюда, редька маринованная, это Тютин контейнер! Вот как тебе. А только ты со мной поговорила по-человечески и даже булками вкусными угостила, а он со мной разговаривать не стал, а сразу – хрясь в морду! Я аж за контейнер отлетел. Лежу и ни рукой, ни ногой двинуть не могу. Сперва-то я думал, что все, отмучился, прямиком в рай он меня отправил.

– В рай? – переспросила Надежда.

– А куда же еще? Я на этом свете столько мучений принял, что на том мне одна дорога – в рай! Тем более в голове колокола гудят, все равно как в церкви на Пасху. Но только принялся – нет, в рай так пахнуть не может, а для ада – слишком холодно. Так что, судя по всему, я еще на этом свете, не созрел еще до рая.

Открыл глаза... то есть только один глаз сумел открыть, второй, в который он меня ударил, не открывается. Но мне и одного глаза хватило, чтобы разглядеть знакомую помойку, вот этот самый контейнер, а около контейнера стоит он...

– Он?

– Ну да, тот самый мужик, который меня в рай едва не отправил. А в руке у него такая обезьянка, про которую ты говорила. Как это, редька маринованная... кармическая.

– Кармическая?

– Во-во, я так и говорю! Я, значит, лежу тихонько, прикидываюсь ветошью – не хочется мне, чтобы он меня еще раз так приласкал, со второго раза он меня точно в рай отправит. В общем, лежу, а сам одним глазом на него посматриваю. А он, редька маринованная, сперва такой довольный был, чуть не плясал, что обезьянку эту нашел. А потом вдруг ее – хрясь об контейнер!

– Разбил?

– Само собой, разбил, редька маринованная! Разбил, как есть, на мелкие кусочки! И начал вокруг искать, словно потерял чего. А потом начал ругаться до того худо... художественно...

– Это как же?

– Ну, редька маринованная, я на своем веку столько всякой ругани слышал – мама не горюй! И трехэтажной, и пятиэтажной, и даже семиэтажной. Таких умельцев слышал, каких уж больше нету. Самого Колю Крюкова слышал! Со мной один сильно ученый человек на эту тему говорил, так я ему такого порассказал – он говорит, что меня можно сразу профессором назначить по этой теме. Но такой красивой ругани, какой тот мужик ругался, я еще никогда не слышивал. Такими словами, что прямо редька маринованная! Я до того заслушался, что даже про свой глаз подбитый забыл!

– Но он точно ругался?

– Точно, точно! Что это самая что ни на есть ругань – это по лицу его было видно.

– Что же он – сперва радовался, чуть не плясал, а потом ругаться надумал?

– Вот и я об том же самом думаю! Видно, чем-то его эта обезьянка сильно расстроила...

– И все? А дальше что было?

– А что было? – Тютя пожал плечами. – Ничего не было. Плюнул он и ушел. А я полежал еще немного, подумал да и понял, что если сейчас не встану, то отморожу себе все напрочь. Все ж таки хоть и не совсем зима, а холодно на земле-то валяться. А больничный мне никто не выпишет, как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих, вот такие дела.

– Здравомыслие рассуждаешь... – улыбнулась Надежда.

– Ага. Вот встал я кое-как, да и пополз в подвал, там уж отлежался возле трубы теплой.

– Ну ладно, пойду я. – Надежда представила, как она выглядит со стороны, и ужаснулась. Приличная, интеллигентная женщина беседует с этим чучелом, да на нем заразы всякой ужас сколько! Опять же запах этот...

Она заторопилась домой, забыв про кота. Всю дорогу ее преследовал жуткий запах. Как бы не пришлось пальто в чистку отдавать!

Остальной день пролетел в хозяйственных хлопотах, да еще пришлось за компьютером посидеть, чтобы ввести содержимое амбарных книг. Дело продвигалось медленно – не то Надежда разучилась, не то думала о другом. Перед глазами вместо строчек стояли керамиче-

ские обезьяны. Значит, если верить рассказу бомжа Тютти, еще одна обезьянка выбыла из игры. Ничего неизвестный мужчина в ней не нашел.

Утром Надежда снова взглянула на листок с номерами телефонов.

На «Мертвоморе» можно было поставить крест, причем в буквальном смысле: таинственный охотник за обезьянами там уже побывал, и очередная сувенирная мартышка его разочаровала. Обезьянки погибали одна за другой, но с каждым разом шансы росли.

Кроме «Мертвомора», в списке был еще один городской номер. Его-то Надежда и набрала.

Как и прошлый раз, в трубке раздался приятный женский голос:

– Вы позвонили в жилищную контору. Ваш звонок важен для нас. Сейчас никто не может подойти к телефону, но вы можете оставить свое сообщение после сигнала...

Однако сразу после сигнала в трубке раздался щелчок, и другой женский голос – куда менее приятный – проговорил:

– Слушаю, жилконтора!

Надежда, которая успела продумать линию поведения, торопливо и сбивчиво заговорила:

– У меня вопросы имеются по оплате коммуналки. У меня в прошлой платежке за отопление выписано семьсот двадцать рублей, а в этой – семьсот пятнадцать, так вот я хотела узнать, почему такое. В прошлом месяце теплее было, почему же в этом меньше насчитали? Почему такое?

– Женщина, – перебила ее собеседница, – не понимаю, чем вы недовольны? Если бы вам больше начислили, это одно дело, но вам же меньше!

– Это не важно, больше или меньше, я хочу разобраться, почему так! Я хочу знать, за что я плачу!

– Женщина, я вам ничего не могу сказать, я вашу платежку не видела, и вообще, это вам нужно звонить в бухгалтерию, а еще лучше прийти со своей платежкой... если, конечно, вам времени не жалко.

– Так я и приду, только вы мне адрес скажите.

– Вы что – нашего адреса не знаете? Ну ладно, записывайте: Фиолетовый переулок, дом семь.

Фиолетовый переулок был совсем близко к Надеждиному дому, что Надежду не удивило. Ясно, что такие ерундовые подарки к Новому году покупали поблизости от работы.

Она решила сходить в жилконтору просто так, на разведку. И раз уж выбрала по телефону такой тон, то и оделась соответственно – в старую куртку, в которой ездила осенью на дачу. Подвела глаза черным, как у панды, а губы накрасила сердечком, причем помаду нашла у дочки в ящике. Дочь приезжала в прошлом году из своего Североморска, где ее муж служил на флоте. Помада эта Алене не шла, а зять так вообще сказал, что у нее при таких губах неприличный вид, причем употребил более резкое слово. Они тогда здорово поскандалили, так что Надежда забеспокоилась и хотела выяснить, все ли у них в порядке, уж больно нервным выглядел зять. Но, по совету мужа, решила не вмешиваться, и, как оказалось, правильно сделала. У детей все наладилось. Помаду дочка оставила в тумбочке, и Надежда приятно удивилась, она-то думала, что ее выбросила. Сейчас как раз пригодилась.

Надежда повязала еще шелковую косыночку по-деревенски и уже через двадцать минут вошла в приземистое здание жилконторы.

В первый момент ей показалось, что она перенеслась в советские времена. Все дело было в том, что жила Надежда с мужем в относительно новом доме, и ей давно не приходилось посещать жилконтору. У них за все отвечал управдом.

Здесь же стены в холле были выкрашены унылой светло-зеленой краской, на полу лежал дешевый коричневый линолеум, под потолком мерцали допотопные люминесцентные лампы. Самое же главное – прямо напротив входа висела оклеенная темно-зеленой бумагой доска,

по верху которой большими строгими буквами было написано: «Лучшие работники нашей жилконторы».

Под этой надписью висели фотографии, по большей части женские. Все женщины на фотографиях таращились на посетителей жилконторы с таким выражением, как будто хотели испепелить их взглядом. Среди этого женского коллектива затесался один-единственный мужичок, судя по всему, измученный тяжелым похмельем. Под его фотографией была лаконичная подпись: «Л. Зайцев. Лучший слесарь-сантехник».

Слесарь-сантехник Надежду не интересовал, и она ознакомилась с остальными фотографиями.

На самом видном месте висел портрет женщины лет пятидесяти, с выпученными глазами и высокой прической, покрытой толстым слоем лака. Приглядевшись, Надежда заметила в этой особе несомненное сходство с сувенирной обезьяной.

Подпись под этой фотографией информировала, что на ней изображена Н.Б. Камнедова, заместитель начальника жилконторы.

– Вот она-то мне и нужна! – вполголоса проговорила Надежда.

Если бы ей пришлось выбирать, кому из сотрудников этой жилконторы подарить керамическую мартышку, она бы ни секунды не сомневалась: такой подарок лучше всего подошел бы гражданке Камнедовой. То есть что это мартышку, Камнедова похожа была на серьезную обезьяну – орангутана или гориллу, а уж если не на гориллу, то на гамадрила – это точно.

Надежда свернула в коридор.

Вдоль таких же, как в холле, уныло-зеленых стен стояли стулья, на которых маялись посетители жилконторы. Пройдя вдоль коридора, Надежда наконец увидела дверь, на которой висела табличка «Н.Б. Камнедова». Перед этой дверью сидело несколько человек, на лицах которых читались тоска и усталость. Две женщины помоложе читали что-то в своих смартфонах, еще одна женщина среднего возраста вязала крючком что-то ажурное, мужчина интеллигентного вида листал английский роман.

Надежда спросила, кто последний, и села на свободный стул.

Тут же проснулся ее внутренний голос, который возмущенно проговорил:

«Ну зачем ты тратишь время в коридоре жилконторы? Неужели тебе здесь нравится, в этом унылом, тусклом месте? Что тебе, больше нечем заняться?»

Надежде нечего было ответить, и она промолчала.

Тут дверь кабинета распахнулась, оттуда выкатилась невысокая кругленькая женщина с красным лицом и выпученными глазами. Она хватала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и бессмысленно размахивала руками. К ней подскочила женщина с вязанием и сунула в руку упаковку таблеток:

– Примите, женщина, это успокоительное!

Несчастливая проглотила две таблетки не запивая. Лицо ее приняло осмысленное выражение, и она проговорила дрожащим голосом:

– Мегера! Ужас-ужас!

В это время из кабинета раздался громкий голос:

– Следующий!

– Сейчас ваша очередь! – одна из женщин со смартфоном обратилась к мужчине с иностранным романом.

Мужчина побледнел, привстал, снова сел и неуверенно проговорил:

– Я вас пропущу... мне нужно жену дожидаться, она еще не подошла...

– Я тоже лучше подожду... – испуганно пролепетала женщина.

– Следующий! – снова прогремел голос из кабинета.

– Я сейчас... я на минутку... мне срочно нужно... – проговорила женщина с вязанием и припустила прочь по коридору.

Надежда огляделась и увидела, что осталась одна перед кабинетом Камнеедовой. Нет, все-таки измельчал народ, расслабился. Раньше бы никто не сбежал. Дисциплина раньше была: надо идти – значит надо. Хоть к начальнице жилконторы, хоть к зубному врачу, хоть к черту на именины.

– Следующий! – снова донеслось из-за двери.

Надежда встала и вошла в кабинет.

Сама хозяйка кабинета восседала за письменным столом, сложив перед собой руки и глядя на посетительницу как на случайно залетевшую в компот муху. Лицо ее напоминало цветом недозрелый помидор, но общим обликом гражданка Камнеедова была похожа на упитанного гамадрила средних лет. Точнее – на вожака небольшой стаи гамадрилов. Если, конечно, ячейка общества гамадрилов называется именно стаей, а не стадом или сворой. Надежда мимоходом порадовалась, что определила обезьяну, похожую на Камнеедову, наугад, не глядя.

Одета Камнеедова была в бордовый костюм, цвет которого соперничал с цветом ее щек.

Кабинет гражданки Камнеедовой был обставлен со строгой безвкусицей, как и должен быть обставлен такой кабинет мелкой начальницы. На стенах висели какие-то грамоты, чередующиеся с цветными календарями прошлых лет – на год Петуха, год Лошади, год пресловутой Обезьяны. Видимо, подчиненные каждый год дарили своей начальнице такие календари.

И не только календари.

На полке за спиной Камнеедовой стояли керамические статуэтки, сделанные в уже известной Надежде мастерской. Они попадали на полку в порядке дарения, поэтому в первом ряду красовался яркий керамический петух, облаченный в пиджак такого же жизнерадостного цвета, как тот, что был сейчас надет на его хозяйке. Из-за петуха игриво выглядывала керамическая лошадь с красными щеками и вычурными глазами, за лошадью угадывалось еще какое-то сувенирное животное. Надежда подозревала, что это обезьяна, но стопроцентной уверенности у нее не было.

– Что у вас, женщина? – сурово осведомилась Камнеедова, окинув Надежду с ног до головы суровым взглядом.

Под этим взглядом Надежда Николаевна ощутила всю свою незначительность. Ей захотелось тут же стушеваться, слиться с пейзажем и вообще исчезнуть. Спрятаться под стол, а там уж ползти по-пластунски к двери, прикрывая голову руками, как при артобстреле. Дверь приоткрыть на малюсенькую щелочку и просочиться в нее тихо, как мышь. И больше никогда не беспокоить занятого человека своими пустяковыми вопросами.

Вот какое действие оказывала на посетителей гражданка Камнеедова одним своим взглядом.

Однако Надежда не дала воли этим упадническим настроениям, глубоко вдохнула и зататорила:

– У меня, значит, по оплате коммуналки вопросы. Почему в прошлой платежке за отопление выписано семьсот двадцать рублей, а в этой – семьсот пятнадцать? В прошлом месяце теплее было, а в этом холоднее, почему же в этом меньше насчитали? А за воду – наоборот: в прошлый месяц семьсот пятнадцать, а в этот – семьсот двадцать! Когда я в прошлом месяце все время дома была, а в этом к племяннице уезжала!

– Что? – переспросила Камнеедова, нахмутив брови. – Я ничего не поняла! Я за вами не поспела! Вы не можете медленнее говорить?

– Как – еще медленнее? Ну ладно, я же вам еще повторю. – И Надежда зачастила в два раза быстрее: – В прошлой, значит, платежке выписано семьсот двадцать, а в этой семьсот пятнадцать, это за отопление, а за воду – все наоборот, когда должно быть не так, потому как в том месяце было теплее, а в этом – я к племяннице уезжала, потому что я с ее собакой сидела, нельзя же собаку одну оставлять! Она когда одна, все время лает, и соседи недовольны!

Выдав эту тираду, она привстала, якобы для того, чтобы быть ближе к Камнеедовой. На самом же деле, стоя возле стола, она могла лучше разглядеть сувенирных животных на полке.

Теперь она не сомневалась, что за спиной лошади притаилась обезьяна с пылающими, как помидоры, щеками.

Значит, до этой жилконторы охотник за обезьянами еще не добрался – стоит макака на месте абсолютно целая, вот бы обследовать эту обезьяну прежде него!

– Женщина, сядьте! – потребовала Камнеедова. – У меня от вас в глазах рябит!

– Я, конечно, сяду, – невозмутимо ответила Надежда, – только я так и не поняла, почему это в платежках такая путаница. Если в этом месяце я к племяннице уезжала, а в том было теплее, почему же в этой платежке семьсот двадцать, а в той семьсот пятнадцать? Когда я в этом месяце уезжала...

Лицо Камнеедовой выглядело так, как будто помидоры ее щек быстро и неотвратимо созревают. Глаза ее стали еще более выпученными, а волосы встали дыбом. Надежда почувствовала сильнейшее желание отойти как можно дальше, но посчитала это минутой слабости и смотрела твердо.

– Женщина! – рявкнула Камнеедова. – Какая племянница? Какая собака? Чего вы от меня хотите?

– Племянница моя родная, хотя нет... она мне двоюродная, но все равно как родная, а собака – эрдельтерьер, но когда одна, лает прямо как какой-нибудь пудель... – Надежда вспомнила свою приятельницу Муську Василькову и попыталась говорить таким же визгливым голосом. Получилось не очень похоже, но противно.

– Женщина! – попыталась прервать ее Камнеедова. – При чем тут ваш пудель? Если у вас... у вас... если вопросы по оплате, почему вы ко мне пришли? С этими вопросами вам нужно в бухгалтерию!

– А я и пришла в бухгалтерию, только они какие-то непонятливые. Я им все подробно объяснила – и про то, что в том месяце теплее, и про племянницу, и про собаку, а они ничего не поняли и стали все валерьянку пить, а мне сказали, чтобы я к вам пошла, потому что только вы можете в моем вопросе разобраться...

Все лицо Камнеедовой побагровело, она расстегнула верхнюю пуговицу блузки, но все равно дышала тяжело и хрипло, как будто только что бегом поднялась на двадцатый этаж. На лбу у нее выступили крупные капли пота, она судорожным движением выдвинула ящик стола, трясущейся рукой достала из него пузырек и маленький стаканчик и безуспешно попыталась капнуть в него лекарство.

Надежда устыдилась, но в глубине ее души шевельнулась неуместная гордость: надо же, она сумела довести до приступа мелкую начальницу, прошедшую огонь, воду и медные трубы! Однако как бы тетка копыта тут не откинула, неприятностей потом не оберешься...

Она обошла стол, взяла из руки Камнеедовой пузырек и участливо спросила:

– Сколько?

– Тридцать... – хрипло выдохнула та.

Надежда накапала тридцать капель, долила минеральной воды из бутылки и поднесла к губам чиновницы. Та выпила, дыхание ее стало немного ровнее.

– Окно... – проговорила она, немного отдышавшись.

Надежда кивнула и открыла окно. В кабинет хлынул с улицы сырой холодный воздух, и Камнеедова стала приходить в себя. Однако, увидев Надежду, она снова побагровела и хрипло проговорила:

– Женщина, уходите, у меня больше нет сил с вами разговаривать!

Надежда решила не переигрывать и покинула кабинет.

Она и так узнала достаточно много: очередная обезьяна находится в жилконторе и злоумышленник до нее еще не добрался. Нужно постараться опередить его, но вот как?

Перед дверью кабинета Надежда столкнулась с мужчиной.

Это был не тот, прежний мужчина интеллигентного вида с иностранной книжкой в руках, который пропустил вперед Надежду. Этот был моложе, бойчее, лет сорока, с темными, слегка редееющими на макушке волосами.

– Что там она – одна? – осведомился он у Надежды, кивнув на кабинет. – Никого у нее нет?

– Никого, но только вы немного обождите – ей сейчас плохо.

– Плохо? Это хорошо... – странно ответил мужчина и, несмотря на предупреждение Надежды, вошел в кабинет.

Надежда шла к выходу из жилконторы, думая, как ей снова сюда проникнуть, желательно после окончания рабочего дня, когда Камнеедовой не будет в ее кабинете. Причем хорошо бы это сделать как можно быстрее, чтобы ее не опередил охотник за обезьянами...

Тут проснулся ее внутренний голос, этот зануда и перестраховщик, и задал ей вопрос: для чего ей все это нужно? За каким, как говорится, чертом?

И Надежда с некоторым стыдом поняла, что в данном случае он прав. Вот для чего она тратит столько сил и времени на бесполезные поиски? Ну какое ей дело до этих обезьян, хоть бы их было и не восемь, а все двенадцать? Человек что-то там спрятал в обезьяну. Глупо, конечно, но у него явно были на то свои причины. И теперь он эту свою вещь пытается найти. Не совсем законным путем, но ей-то, Надежде, что до этого? Ну, украл он одну статуэтку из танцевального кружка, это ненаказуемо. Ну, в химчистку залез, так, в общем, ничего ценного и не взял. В мастерской компьютер украл, так небось компьютер был старый, недорогой. А уж что Люську бросил, так она сама виновата, не нужно было за первого встречного замуж собираться. Могла вообще на какого-нибудь уголовника нарваться, он бы ее убил и ограбил.

А этот никого не тронул. Что бомжу Тютю в глаз засветил, так бомж привычный, ему и не так перепадало.

«Что, сказать нечего? – ехидно поинтересовался внутренний голос. – Отвечай правду!»

– Мне просто интересно, – честно ответила Надежда.

«Так я и знал, – простонал внутренний голос, – этого я и боялся!»

Тем временем слегка лысеющий мужчина примерно сорока лет вошел в кабинет Камнеедовой и плотно закрыл за собой дверь.

Хозяйка кабинета сидела за своим столом, обмахиваясь рекламным проспектом фирмы канцелярских товаров. Лицо ее почти уже вернулось к своему обычному цвету, и дышала она почти нормально.

– Мужчина, вы куда? – проговорила она недовольно, застегивая верхнюю пуговицу блузки. – Я же еще не вызывала следующего! Подождите, пока вас вызовут!

– Нинель Борисовна, – ответил мужчина мягким, заискивающим голосом, – я вас долго не задержу... у меня вопросик совсем маленький. И кроме того, я к вам не с улицы, я от Михаила Евграфовича...

– От кого? – удивленно переспросила Камнеедова. – От какого такого Графовича?

– Ну как же! – Мужчина поднял глаза к потолку. – От самого Михаила Евграфовича! Он, кстати, о вас очень хорошо отзывался. Он мне так и сказал – только Нинель Борисовна в состоянии решить ваш вопрос... в смысле, мой вопрос.

Лицо Камнеедовой отобразило интенсивную работу мысли. Она пыталась вспомнить, кто такой Михаил Евграфович. В памяти шевелилось какое-то давнее воспоминание, но никак не хотело оформиться. Однако на всякий случай она решила не ссориться с незнакомцем.

– Так что у вас за вопрос? – спросила она озабоченно.

– Вопрос у меня совсем маленький и простой, однако конфиденциальный... – Мужчина доверительно перегнулся к ней через стол, но, вместо того чтобы озвучить свой вопрос, неожиданно

данно вытащил из кармана маленький пластиковый флакончик и прыснул из него в лицо Камнеедовой.

Нинель Борисовна удивленно и широко раскрыла рот, захрипела, глаза ее полезли на лоб. Она пыталась что-то сказать, но лишилась не только дара речи, но даже способности дышать.

В этот трагический миг она внезапно вспомнила урок литературы в пятом, что ли, классе. Сухонькая старушка Изольда Матвеевна идет по рядам и говорит звонким не по возрасту голосом:

– В своих произведениях Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в сатирической форме изобразил... Камнеедова, ты спишь, что ли?

Но Камнеедова уже не спала.

Она полулежала в своем рабочем кресле, уставившись пустым взглядом в потолок и сжимая в правой руке оторванные от блузки пуговицы. Щеки теперь были не красными, а синюшными.

Лысеющий мужчина недовольно взглянул на нее и пробормотал:

– Надо же, как неудачно... что это она от такой ерунды загнулась? Должна была только заснуть... А может, просто без сознания?

Он опасливо приблизился и потрогал Камнеедову за шею с целью найти пульс. Пульса не было. Оттого, что он тронул тело, оно не удержалось на стуле и соскользнуло бы на пол, если бы он не подхватил его. Камнеедова и при жизни была дамой мощной, а теперь ему понадобились все силы, чтобы не дать ее телу упасть. При этом он не заметил, как из кармана выскочил маленький баллончик и покатился по мягкому ковровому покрытию.

– Померла, значит, – спокойно констатировал мужчина, сообразив, что живой человек не может быть таким неподвижным.

Смерть Камнеедовой, однако, не остановила его. Он подошел к полке, осторожно снял с нее керамическую обезьяну, сунул ее во внутренний карман и быстро вышел из кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.